ЛЮБЛЮ,
УБЬЮ,
УМРУ
Любовь, которая похожа
на солнечный удар.
ТАТЬЯНА
ТРОНИНА
Дочери Евы

Татьяна Михайловна Тронина

Люблю, убью, умру…

Серия «Дочери Евы»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136399
Тронина Т. М. Люблю, убью, умру : роман : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71931-0

Аннотация

Без прошлого нет будущего. Лиза пытается разгадать тайну, связанную с ее рождением. Одновременно у нее завязывается роман с Сашей, ресторанным певцом. Неожиданно появляется третий – удачливый бизнесмен Денис, который вдруг решает предъявить свои права на Лизу, посвятившую ему когда-то пять лет жизни. Он понимает, что только с этой женщиной чувствует себя мужчиной… Тайна рождения Лизы уходит корнями в далекое прошлое – когда-то, во времена Серебряного века, разыгралась совсем другая драма. Любовь не умирает, и призрак того чувства не дает покоя ныне живущим. А Денис готов на все, чтобы Лиза принадлежала только ему. Даже на преступление…

Ранее книга выходила под названием «Серебряные слезы»

Татьяна Тронина
Люблю, убью, умру

Как сладко, все простив друг другу,
Без злого пламени в крови,
Глухою ночью слушать вьюгу —
Все ту же сказку о любви.

О нет, не к тем сгоревшим негам!
Но ласку грустную пролей,
Дохнувши розами над снегом
Моих последних февралей…

С. М. Соловьев

© Тронина Т., 2011
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

– Хотите, я на вас женюсь?

Его огромные, молочно-голубые, абсолютно непроницаемые глаза смотрели на меня, не мигая.

– Зачем? – вздохнула я.

– Затем, что любая женщина мечтает выйти замуж. Даже при нынешней эмансипации…

– К вашему сведению, Ковальчук, мне вчера сделали два подобных предложения. А уж что было неделю назад – я молчу… Целая очередь ко мне стояла.

– Они все несерьезно говорили, а я серьезно! Ей-богу, вы мне очень нравитесь. Я еще на первом курсе на вас глаз положил, – понизив голос, доверительно сообщил он. – Когда у вас другая прическа была.

– Польщена, весьма польщена…

– Да и разница в годах у нас весьма небольшая, да? – Он с любопытством приподнял брови.

Вопрос о возрасте мне не понравился, и я решила прекратить глупый разговор.

– Все вам расскажи… Хватит! Это ужасно – почему девицы во время сессии надевают мини, когда экзамен принимает мужчина, а молодые люди предлагают преподавателю, если она женского пола, руку и сердце?

– А чего вы хотите? – заерзал Ковальчук. – Можно и без штампа в паспорте…

Я хотела разозлиться на него, но не смогла – в конце июня в городе стояла настоящая тропическая жара.

– Я на вас докладную ректору напишу, – сказала я. – Что-то я не уверена в том, что вам нравлюсь, – у вас только пять посещений за целый семестр. Могли бы и почаще на меня любоваться. Я, вообще-то, хотела бы, чтобы мой супруг знал предмет, который я преподаю, – литературу конца девятнадцатого и начала двадцатого века. А вы футуристов перепутали с символистами, про реалистов данного периода ни слова не сказали, у Блока только поэму «Двенадцать» читали, Ахматову с Цветаевой явно не различаете…

Ковальчук моргнул – кажется, в первый раз.

– Ясно… – Он сграбастал свою зачетку и уныло побрел к выходу.

Я тоже собралась домой, но в институтском скверике, где по аллеям метался тополиный пух, столкнулась с Аглаей. Аглае было тридцать пять лет, и она преподавала в нашем Филологическом институте грамматику. Мы с ней почти дружили.

– Лизонька! – вскрикнула она. – Тебя Викентий Петрович искал!

Викентием Петровичем звали ректора нашего института.

У Аглаи нос и глаза были красными из-за пуха, она то и дело поправляла очки.

– Ты уходишь? – спросила я.

– Да. Господи, Лиза, какая ты счастливая – сейчас придешь к себе домой, ляжешь на диван… А я, как жучка, сначала по магазинам буду бегать, потом стоять у плиты. Если еще Леонид Иванович не в духе придет… Слава богу, что Зинка у бабушки до конца лета! Ей двенадцать, гормоны играют, никого не желает слушать…

– Господи, Аглая, как я тебе завидую, – перебила я ее решительно, – у тебя муж, ребенок, ты не одна, тебя любят… А мне двадцать девять – не так уж намного ты меня и старше, – и ни одной родной души рядом. И напрочь отсутствуют всякие гормоны. Сейчас один балбес на экзамене нес страшную пургу, а я даже не могла на него разозлиться. Хотела, но не могла! Кстати, я ко всем своим прочим бедам еще и сирота. У меня нет ни отца, ни матери. Отца я вообще ни разу в жизни не видела, у меня от него только фамилия осталась. Так что еще вопрос, кто из нас счастливее!

Очки у Аглаи быстро сползли до кончика носа, и она задвинула пальцем их обратно, на переносицу. Она почувствовала угрызения совести.

– Ты что в отпуске будешь делать? – спросила я, чтобы окончательно растравить свои раны.

– Что? Поедем в Тверь, к родственникам Леонида Ивановича – у них там дивный сад.

– Дивный сад… – вздохнула я. Мне в отпуске ничего не светило. Я точно знала, как я его проведу, – в городе, за компьютером, наедине со своей научной работой под названием «Образ ангела в символике русской литературы Серебряного века». Самым интересным моим времяпрепровождением будут походы в библиотеку для чтения монографий и подлинников…

– Запомни, сад – не мой, – возразила Аглая, с любопытством глядя на меня – вероятно, по моему лицу читались мысли. – Никакой романтики не будет – ни поцелуев под яблоней, ни вечерних прогулок рука об руку, ни чтения Бориса Пастернака под луной… Леонид Иванович – страшный зануда, и, как ты знаешь, мы уже четырнадцать лет в браке. А вот у тебя мог бы быть собственный сад, если бы ты тогда…

– Ах, не вспоминай… – махнула я рукой.

– Нет, буду вспоминать! – сурово произнесла Аглая, поправляя непослушные очки. – Ты дурочка. Я, конечно, тоже дурочка, но ты еще более дурочка, чем я. Он был вполне обеспечен, он дарил тебе подарки, предлагал руку и сердце…

– Господи, кто только мне этого не предлагал…

– Нет, я о серьезных предложениях! Он любил тебя.

– Да, а потом заявил, что во мне нет огня.

– Ну, ты тоже ему много чего лестного наговорила… Я, конечно, не психоаналитик, но вы вполне могли бы помириться. Целых пять лет вы прожили вместе!

– Мне никто не нужен, – насупилась я.

– Я и вижу, – сердито произнесла Аглая. – Во что ты превратилась? За один год ты сделала из себя такое страшилище, что ни один нормальный мужчина…

– Ты ничего не понимаешь! Это называется сменой имиджа. У тебя просто устарелый вкус, тебе нравятся барышни с конфетных коробок, кукольные личики… Ты сто лет ходишь с дурацким бантом и думаешь, что он выглядит мило и оригинально…

– Не трогай мой любимый бант! – вспыхнула Аглая.

В самом деле, я уже не могла представить ее без этого черного капронового банта, который огромным увядшим цветком вот уже много лет болтался у нее на затылке. Когда-то, когда Леонид Иванович был еще студентом строительного института, он сказал юной Аглаше, что ей очень идет бант и что в профиль она похожа на древнегреческую камею. Похоже, Аглая решила не снимать бант до самой смерти. Интересно, а спать она тоже ложится с ним?

– Ладно, не буду… Вон твой троллейбус. – Я принципиально не любила ссориться. «Рыбья кровь», – как-то сказали обо мне. Именно тот человек, в чьем саду я могла сейчас гулять…

– Ладно, до завтра… – Аглая тоже не любила выяснять отношения. – И не забудь зайти к Викентию!

Раньше у меня были длинные, почти до пояса, волосы, крашенные в яркий тициановский цвет, или попросту рыжий, брови я немилосердно чернила, а для губ использовала оранжевую помаду. «Какая эффектная девушка», – говорили мне раньше.

Яркие краски надоели. Пусть будет гармония и внешнее сравняется с внутренним. Я коротко подстриглась, перестала красить волосы – и скоро они приобрели мой естественный белесый оттенок. Никаких черных бровей – теперь, без карандаша, они были почти незаметны. Лишь немного светло-коричневой туши на ресницах, чтобы совсем не превратиться в бледный призрак. Губы – что-то бежевое, естественное… В общем, я стала самой собой, и это обратное превращение из бабочки в куколку мне даже нравилось…

Только почему-то целый год я была одна?.. Но разве мне это тоже не нравилось?

– Заходите, детка, – стальным голосом произнес Викентий. Он со всеми говорил стальным голосом – с тех пор, как стал ректором и ему пришлось разбираться с разгильдяями-студентами и интригами преподавателей, всяких там доцентов и профессоров. – Сегодня двадцать седьмое, как дела?

– Спасибо, Викентий Петрович, хорошо, – примерным голосом ответила я. – Все мои студенты сдали экзамен, даже Ковальчук поднапрягся и сегодня утром пришел вполне подготовленным…

– Вы слишком добрая, Елизавета Аркадьевна, – припечатал Викентий. – У Ковальчука три «хвоста» по другим предметам… Если к зиме не исправится – отчислю его за академическую неуспеваемость. Надоел он мне. Занимает чужое место в общежитии.

Солнце светило в кабинет, в его лучах клубилась золотая пыль. «Это все тополиный пух, – подумала я. – От него нельзя избавиться…»

– Я вот почему вас вызвал, Елизавета Аркадьевна… – вспомнил Викентий, нахмурив седые, цвета стали, брови. – Как там ваша работа продвигается?

Я была по возрасту самым младшим преподавателем, поэтому он считал, что меня надо опекать.

– Все в порядке, – кивнула я, – пока никаких сложностей. Сессия закончилась – буду ездить в библиотеку.

– Отдохните хотя бы недели две – в августе нам еще вступительные принимать. Очень большой конкурс в этом году. Народ понял, что юристов и бухгалтеров слишком много развелось, и кинулся изучать гуманитарные науки.

Из нашего института выходили журналисты, критики, сценаристы, филологи, учителя, было даже несколько известных писателей. Очень много выпускников работало на телевидении и радио. Слава иногда стоит дороже денег.

– Как вы собираетесь раскрывать тему?

– Ой, по ней столько материала… Ангел как символ смерти, символ божественного миропорядка, символ любви…

– Я вас умоляю, только не делайте из своей работы беллетристику!

– Я не собираюсь… – испугалась я. Если сейчас Викентий примется за критику, то мне до вечера отсюда не выйти!

– Каких авторов предполагаете использовать?

Я принялась перечислять.

– А Брюсова? – вдруг перебил он меня, сверкая хищным стальным взором.

– Его в первую очередь! Господи, браться за такую тему и забыть про «Огненного ангела» Брюсова…

Викентий важно произнес:

– Есть еще один автор – Андрей Калугин. Он написал роман «Бледный ангел». Обязательно упомяните о Калугине…

– Викентий Петрович – вам звонят из мэрии! – без стука влетела в кабинет секретарша. – Я соединяю…

– Да-да, конечно… – Начальство сразу же потеряло ко мне всякий интерес. – Идите, Елизавета Аркадьевна, мы после все обсудим. Идите, мой бледный ангел…

Выходя от Викентия, я заглянула в большое зеркало, которое висело у него в предбаннике. «Бледная – это верно, – отметила я. – Но до ангела мне еще очень далеко».

Лето мое прошло так, как я и предполагала. Тихие библиотечные залы, запах книг, шепот скучающих библиотекарш за стойкой, скрип выдвигаемых и задвигаемых ящиков в отделе каталогов…

В августе начались вступительные экзамены в наш институт, и я заседала в приемной комиссии. Викентий бегал злой, замученный и еще более стальной, чем раньше, потому что комиссию завалили апелляциями и надо было противостоять двоечникам. Абитуриентов и в самом деле было очень много.

Но в десятых числах стало немного легче, и он подошел ко мне.

– Помните наш последний разговор? – спросил он.

– Какой? Это когда вы посылали меня к нашему юристу?

– Да ну вас, Елизавета Аркадьевна… Когда мы говорили о научной работе, которую вы пишете!

– Ах, тогда…

– Вот-вот, – удовлетворенно кивнул он. – Мы говорили о Калугине и его романе «Бледный ангел». Предлагаю съездить по одному адресу. Вы что-нибудь знаете о самом авторе?

– Ничегошеньки. Умер в тридцатых или сороковых годах двадцатого века – больше никаких биографических сведений.

– Детка, я вам рекомендую немного покопаться в прошлом. Вам это будет интересно и полезно, потому что о прочих авторах уже писано-переписано и надобно нечто новенькое. Небольшое открытие…

– Да? А сами вы этим не хотите заняться?

– Нет времени, – блеснул стальным взором мой босс. – И потом… особых сенсаций я вам не обещаю. Просто говорю – будет интересно…

А я-то, наивная, поверила, будто он может поделиться со мной чем-то ценным!

– Так вот… В ближнем Подмосковье, минутах в тридцати на электричке от трех вокзалов, в собственном домике доживает свой век внучка Калугина. Презанятная старушка… У нее могут храниться какие-нибудь архивы.

…Ехать действительно пришлось недолго, и вот я сошла с электрички на одной из маленьких станций. Внучка Калугина, как выяснилось, жила на самой окраине. Здесь стояли одноэтажные деревянные домики, обнесенные заборами, за которыми раздраженно лаяли собаки, узкие тропинки виляли вдоль Яузы, уводя меня в высокие камыши… Я едва не заблу-

дилась, но потом каким-то непостижимым образом сумела выбраться на нужную улицу. Вернее – улочку…

Солнце уже начинало клониться к горизонту. Надо было поспешить, я слишком много времени потратила на поиски нужного направления.

Никого на дороге не было, лишь, немилосердно пыля на разбитом асфальте, изредка проезжали мимо машины. Вдоль тротуара (если можно так назвать узкую песчаную тропинку, проложенную вдоль бесконечных зеленых заборов) росли яблони, и иногда мне под ноги падали скукоженные мелкие плоды с темными бочками.

«Вот и лето прошло», – машинально подумала я. Еще одно лето в моей жизни. Что ждет меня дальше? Скорее всего, ничего. Череда пустых скучных дней, заполненных только работой. «Которую я очень люблю», – сурово одернула я себя.

Но вот и он, наконец, – номер восемнадцать, небрежно нарисованные масляной краской две цифры.

Я поискала звонок у калитки, но ничего такого не обнаружила. И вообще, калитка оказалась открытой, стоило только слегка толкнуть ее ладонью. Я вошла в сад, заросший и неухоженный, и по тропинке пошла к дому, вглядываясь вперед сквозь кусты давно отцветших сирени и жасмина.

Дом был старый, двухэтажный, с большой верандой и столом, на котором кипел электрический самовар. Клубы пара, поднимавшиеся над самоваром, сразу же успокоили меня – значит, место обитаемо.

– Есть кто-нибудь? – решительно воскликнула я.

Дрогнула кружевная, кипенно-белая занавеска на окне, через несколько мгновений распахнулась дверь, и я увидела перед собой пожилую женщину в цветастом темном платье с отложным белым воротником, как у школьницы прошлых времен, и заколотой на затылке седой косой. «Она», – подумала я и заговорила, чувствуя прилив вдохновения:

– Добрый вечер. Меня зовут Елизавета Аркадьевна Синицына.

– Чем могу служить? – тихо прошелестела старушка.

– Вы Нина Ивановна Крымова, внучка Андрея Калугина? Я, собственно, приехала к вам как к внучке этого писателя, поскольку занимаюсь сейчас исследованием, посвященным русской литературе начала века… – принялась я подробно ей объяснять, кто я и что мне надо. Но старушка неожиданно быстро поняла меня, словно к ней чуть ли не каждый день являлись с визитами литературоведы и филологи.

– Да, я Нина Ивановна, внучка того самого писателя, – спокойно кивнула она. – Что ж, проходите. Не хотите ли чаю? Я как раз собиралась пить чай с вареньем. Вы какое больше любите?

– Вишневое, – сказала я, вдруг почувствовав себя почти как дома.

Мы расположились на веранде – самовар как раз вскипел, и я стала рассказывать Нине Ивановне о себе – чем занимаюсь, откуда у меня ее адрес… Она слушала меня благосклонно, кивала головой, потом сказала, что хорошо знает Викентия Петровича, поскольку племянница оного живет за соседним забором. Словом, мы очень быстро расположились друг к другу. Варенье было выше всяких похвал.

– Я долго ждала, что кто-нибудь придет насчет наследия моего покойного дедушки, – сказала Нина Ивановна. – В самом деле, что мне делать с его бумагами? Выбросить жалко, отдать в какой-нибудь музей – так я не знаю, в какой, как именно это делается…

– Узким специалистам Калугин хорошо известен, – поспешила вставить я.

– Ну, разве что узким… – махнула рукой старушка. Она выглядела очень опрятной, чистенькой, и от нее ощутимо пахло какими-то старыми духами – то ли «Вечерней Москвой», то ли еще чем-то подобным… Она мне очень нравилась, в ней было то рассудительное спокойствие, которое нынче редко в ком встретишь.

– У вас есть черновик романа «Бледный ангел»? – спросила я.

– Да, сейчас принесу…

Это уже было удачей – поскольку мне в архивах попался сокращенный вариант, какие-то отрывки.

Нина Ивановна притащила кучу бумаг, и я принялась копаться в них. Множество писем, и среди них, кажется, одно (о, несомненная удача, если я не ошибалась!) принадлежало перу Максимилиана Волошина, а другое было посланием Александра Блока. А вот и роман Калугина – стопка пожелтевших страниц текста с дореволюционным правописанием.

– Отлично, – сказала я, с наслаждением перебирая бумаги. Они представляли несомненный интерес. Особенно для меня.

– Я рада, – благодушно кивнула старушка. – Забирайте себе. На здоровье.

– Как?! Вы отдаете мне все это? Вот так, просто…

– Вот так, просто. Мне-то оно зачем? А вам как специалисту очень даже пригодится. У меня пропадет, окажется на свалке рано или поздно, а вы сохраните, найдете применение. Что нужно, отдадите в музей какой-нибудь…

– Спасибо, что вы мне доверяете, – покраснела я.

– Да не за что! – махнула она рукой.

В это время на перила веранды шлепнулось несколько тяжелых капель.

– Дождь, – задумчиво произнесла Нина Ивановна. – И наверняка затяжной. Как незаметно прошло лето…

– Да, – растерянно произнесла я. – А я зонтик забыла…

– Ну, это ерунда, – великодушно сказала моя старушка. – Переждите дождь здесь, я же вас не гоню…

Нина Ивановна пригласила меня в дом, но я отказалась – было так приятно и грустно смотреть на сад, который поливал августовский дождь. Тогда она зажгла свет на веранде, принесла мне теплую шаль, которая тоже пахла духами времен соцреализма.

– Хотите наливки? – вдруг предложила хозяйка. – У меня есть рябиновая, прошлого года… Очень хорошо согревает.

– А давайте! – решила я пуститься во все тяжкие.

Нина Ивановна принесла бутыль из толстого темного стекла, и мы вместе выпили по рюмочке, глядя на темнеющий сад. Она рассказывала о своих родителях, потом о раннем детстве. Темнело, мошки вились вокруг лампы. Дождь немного стих. Нина Ивановна перешла в своем повествовании к событиям ее молодости, заговорила о первом знакомстве с покойным мужем.

– Господи, уже поздно! – спохватилась я. – Я, пожалуй, пойду…

Где-то далеко шумели электрички.

– Дело ваше, конечно… – заволновалась моя собеседница. – Но, может быть, вы останетесь? Одиннадцатый час… Если честно, мне страшно отпускать вас одну. Позвоните, предупредите своих домашних.

– Мне некого предупреждать, – призналась я. – У меня никого нет.

Старушка несколько раз моргнула, словно ей было жаль меня, сиротинушку, а потом сказала, как будто оправдываясь:

– Ну, это ничего… А у меня вот только сын есть.

– Но живет он не с вами? – спросила я.

– Снимает квартиру в городе и большую часть времени проводит там. Он поет…

– Певец? Это здорово…

Я представила элегантного мужчину, певца, артиста.

– Да как сказать… Саша поет в ресторане.

– Ну, неплохая профессия, – великодушно произнесла я. Представительный баритон в моем воображении тотчас же трансформировался в ресторанного Орфея, ведущего довольно сомнительный образ жизни.

Мы посидели еще немного на веранде, а потом дружно решили, что пора спать. И в тот самый момент, когда мы уже поднимались из-за стола, невдалеке раздался шум мотора. Кто-то явно собирался заехать во двор к Нине Ивановне.

– Надо же, Саша приехал, – удивленно сказала она. – Обычно он только в выходные появляется… Но вы не волнуйтесь. У меня замечательный сын, его присутствие никак не должно вас беспокоить…

Машина заехала во двор. Погасли фары, хлопнула закрываемая калитка. Из темных кустов вышла темная фигура.

– Мама, ты как? – раздался на редкость приветливый голос. – Зачем ты на веранде сидишь – ведь холодно после дождя и сыро…

Фонарь на веранде осветил сына Нины Ивановны – мужчину лет тридцати в черном костюме и белой рубашке, с идеальным пробором в волосах. И он улыбался. Как ни странно, вид его меня сразу же успокоил – наверное, причиной тому была его безукоризненная внешность. Мужчина в таком костюме и с такой прической просто не способен совершить плохой поступок.

– Саша, познакомься – это Лиза, – спокойно произнесла моя старушка. – Сегодня волею судеб она у нас…

Тут он заметил меня и вздрогнул. Видимо, он никого не ожидал здесь застать.

– Лиза, это мой сын, о котором я вам рассказывала…

– Добрый день… то есть вечер, – растерянно пробормотал тот.

– Даже ночь, – поправила я.

– Ну да, уже ночь…

Мужчина тряхнул головой, и прядь волос упала ему на лоб, нарушив идеальную прическу, и сразу он стал моложе и словно беззащитнее. Он был немного похож на какого-то голливудского актера и с каждой минутой нравился мне все сильнее. «Что за глупости! – одернула я себя. – Кто он? Ресторанный певец!»

– Лиза останется у нас на сегодня, – сказала Нина Ивановна. – Дождь…

– Да-да, сильный дождь! – торопливо произнес ее сын, поднявшись на веранду и стряхивая с плеч пиджака капли. – Я еле добрался… А завтра, если вы не возражаете, я провожу вас, Лиза.

Нина Ивановна вознамерилась показать мне комнату, в которой мне предстояло провести ночь, но ее сын произнес вроде бы огорченно:

– Как, вы уже ложитесь? Я, признаться, посидел бы с вами… Мама, ты достала наливку? Это чудесно, я бы тоже с вами выпил…

«Точно, алкоголик… Хотя почему я так о нем думаю? Почему я вообще о нем думаю?»

Я решительно отказалась от каких бы то ни было посиделок и отправилась вслед за Ниной Ивановной.

Комната, которую она мне отвела, была очень уютной – впрочем, в этом доме все было уютным и носило отпечаток того рассудительного спокойствия, каким внучка писателя Калугина обладала в полной мере.

Книжный шкаф с собраниями сочинений классиков – корешки хоть и позолоченные, но сильно потертые. В этом доме явно читали книги, что мне, как человеку, близкому к литературе, очень импонировало. Напольные часы, кровать с шишечками… Безукоризненно чистое белье пахло любимыми духами Нины Ивановны.

Я накинула с внутренней стороны на дверь крючок – но сделала это скорее из каких-то принципиальных соображений, чем действительно беспокоясь о своей безопасности, и приготовилась погрузиться в сладкий сон.

Но не спалось…

В доме уже давным-давно все затихло, и даже дождь перестал стучать о карниз, а я все таращила глаза в темноту и пыталась понять, почему я оказалась в этой комнате. Вот просто так приехала и… осталась здесь ночевать. Самым удивительным было то, что мне здесь очень даже нравилось. Да, мелькнули какие-то сомнения, но тут же исчезли. Даже сын Нины Ивановны не вызывал во мне отторжения.

И этот сад за окном…

Нет, он совсем не страшный ночью – он таинственный. Он пахнет сыростью и свежестью, яблоками и уходящим августом. Я всегда мечтала иметь такой сад.

Закутавшись в длиннейшую шаль хозяйки, я встала, подошла к окну. Половинка луны плыла в прозрачных тучах, и было непривычно – для меня, жительницы городского центра, – тихо.

Босиком, боясь разбудить хозяев, я прокралась по темному коридору, пропитанному вкусным запахом старого, давно обжитого дома, и опять вышла на веранду. Странно, но холодно не было.

Я забралась с ногами на стул, закуталась в шаль еще плотнее и залюбовалась ночным садом. Я решила, что спать сегодня вообще не буду.

Где-то глухо, едва слышно, часы пробили три раза. «Надо будет рассказать Аглае об этом приключении, – подумала я. – Ну да, в моей жизни так мало событий, что поездка сюда, ночевка в чужом доме настоящее приключение для меня».

И в этот самый элегический момент, когда я просветленным взором смотрела на половинку луны в тучах, рядом скрипнули половицы.

– Вам не спится? – шепотом спросил меня сын хозяйки. В лунном свете Саша выглядел бледным, точно покойник. Вероятно, я тоже выглядела не лучше.

– Да, – прошептала я в ответ. – Вам от меня столько беспокойства…

– Мы с мамой очень рады, что кто-то заинтересовался нашим архивом… Мама немного рассказала мне о вас – это ничего?

– Конечно, ничего, – с удивлением произнесла я. – Должны же вы знать, кого приютили под своей крышей!

– Вы занимаетесь литературным исследованием, это так здорово… А я немного пою.

– Где?

– В клубе «Дель Арт», это в районе Солянки… Никогда не были там?

– Нет, – покачала я головой.

– Я вас приглашаю, Лиза. Я там через день.

– Обязательно, – пообещала я, хотя знала, что вряд ли туда отправлюсь. – А что вы поете? Ну, какой у вас репертуар…

– Вот придете и узнаете, – загадочно ответил Саша.

И уселся в соседнее кресло.

– «Дель Арт»… – пробормотала я. – Значит, уж точно не в стиле кантри…

– Да уж! Только зачем гадать… Не хотите ли еще рюмочку? Мама оставила здесь на столе наливку.

– Хочу.

«В общем, какая разница, что он в кабаке поет… Можно подумать, я – принцесса крови!»

Мы выпили сладкой наливки и принялись теперь уже вместе созерцать ночное небо.

– Я так странно себя чувствую… – вдруг произнес он, не поворачивая ко мне лица. – Ехал к маме и совершенно никого не ожидал здесь застать…

– Я уже извинилась за беспокойство! – немного обиженно заметила я.

– Я не о том… Я хочу сказать, что это чудо и что я почему-то никак не мог заснуть. Я думал о вас.

– Обо мне?

– Да. Если я вас пугаю, я не буду об этом говорить.

Меня это совершенно не пугало. Даже более того – мне это нравилось. Я так и ответила:

– Пожалуйста, продолжайте.

– А вдруг это любовь с первого взгляда? – с веселым недоумением произнес он.

Он был таким милым… Или, может быть, под влиянием этой ночи он казался мне милым? Но я вдруг в том же духе ответила:

– Что ж, вполне может быть.

Луна куда-то спряталась, и стало темно. Так темно, что происходящее стало казаться мне сном. Может, я действительно сплю? Я протянула руку и в темноте прикоснулась к его плечу. Он отозвался мгновенно – схватил мою ладонь и прижал ее к губам.

«Господи, что я делаю… – с ужасом и восторгом подумала я. – С первым встречным! Нет, Аглае этого никак нельзя рассказывать, она будет обо мне плохо думать…»

– Вам холодно… – едва слышно произнес он. – Идите ближе…

Каким-то непостижимым образом в следующее мгновение я оказалась у него на коленях. У него были мягкие волосы, и они пахли мятой. Он был такой теплый!

Что произошло дальше, я не в силах описать. Мне нет оправдания! Знали бы мои студенты, сколь неприлично ведет себя их преподавательница… Если бы Викентий, наш боггромовержец, видел меня в эту минуту… Если бы Аглая, почтенная мать семейства, услышала о том, на что способна ее коллега… В общем, я стала близка с совершенно незнакомым мне человеком.

Но чем невозможней казалось мне происходящее, тем острее было наслаждение. Не знаю, сколько времени все это длилось – наверное, долго.

– Правда, чудо… – прошептал человек, у которого я была на коленях. – Хотя у меня было предчувствие, что сегодня непременно что-то должно произойти… Лиза! Ты мне не снишься?

– Очень может быть, – дрожащим голосом ответила я, боясь, как бы не отказало сердце – оно трепыхалось в груди, как сумасшедшее. – А мы уже на «ты»?

Он засмеялся:

– После всего, что между нами было, я вообще как честный человек обязан на тебе жениться.

– Ты – честный человек?

– Да, я честный человек. Но это неважно.

– А что – важно? – спросила я, не в силах оторваться от него. Он был такой теплый, он пах мятой, его волосы хотелось все время гладить!

– Ничего не важно… Плохо только, что скоро утро. Я пойду к тебе!

– Вот еще! – спохватилась я. – Да я сгорю со стыда, если Нина Ивановна утром обнаружит тебя в моей постели!

Спать я так и не легла. Едва только забрезжил рассвет, я быстро собралась, на клочке бумаги написала Нине Ивановне благодарственную записку, туманно сообщив, что «о результатах исследования сообщу дополнительно», и смылась по-английски из этого милого дома.

Села на первую, раннюю, почти пустую электричку и укатила в Москву.

Стоит ли говорить о том, что я ни о чем не могла думать, кроме как о той ночи. Мне почему-то казалось, что все происшедшее не про меня, что оно – лишь эпизод из какого-то кинофильма. Случайность, которой не стоит придавать значения. Что же касается Саши, то для него оно, как и для всякого мужчины, обычная история. Спасибо ему, что он за столь короткое знакомство умудрился признаться мне в любви. Все было красиво – ночь, сад, и слова любви, и сама любовь.

Чтобы немного отвлечься от своих мыслей, я принялась читать рукопись, которую дала мне Нина Ивановна.

Рукопись:

«…Дмитрий Петрович Калугин был известным московским адвокатом. Хотя имя Дмитрия Петровича не гремело, вызывая ажитации вроде той, которая следовала за именами Плевако или Кони, – нет, совсем нет, но он был, безусловно, популярен, поскольку числились на его счету пара громких процессов, которые моментально стали известны среди либерально настроенной части населения.

Дмитрию Петровичу было всего сорок четыре года, семимильными шагами он шел к славе и богатству…

У него была семья – жена и пятнадцатилетний сын Андрюшенька, в котором он души не чаял, чрезвычайно талантливый и милый мальчик.

Жена адвоката была замечательной красавицей, но со странностями, как считалось в обществе. Многое ей прощалось за необыкновенную красоту и свободный, не стесненный никакими условностями характер, но большинство местных кумушек так и не смогло успокоиться, видя, что Зинаида Александровна Калугина не признает корсетов и не укладывает свои волосы на манер китайской пагоды или восточной фиги, как было в то время принято. Она ходила с распущенными волосами, подобно святой Цецилии, и в платьях свободного покроя, изобретенных ею самой. Впрочем, отсутствие корсета ничуть не портило ее – талия у Зинаиды Александровны была такой, что любая записная модница позавидовала бы.

Любили они все друг друга чрезвычайно, до исступления, и дня друг без друга не могли прожить. Андрюшенька был примерным и почтительным сыном, а Зинаида Александровна и Дмитрий Петрович вели себя на манер тех самых голубков из старинного романса, что «никогда не ссорятся». Даже почитательницы адвокатского таланта главы семейства не могли потревожить сей небесный альянс.

Но человек предполагает, а бог располагает – не могут вечно царить на земле мир и идиллия, нет-нет да и нарушает всеобщее благорасположение какое-нибудь бедствие вроде чумы, мора, войны или обычной инфлюэнцы. Никто не мог предположить, что празднование Нового года вкупе с ожиданием двадцатого столетия окажется столь роковым для семейства Калугиных.

Как всегда в сочельник, в их доме собралось много народу – устроили маскарад, танцевали, в таперы взяли известного пианиста, прославленного на всю Москву. Зинаида Александровна была особенно прекрасна в образе Феи грядущего. Было шумно и весело, но после боя часов, ознаменовавших, что Новый год и новый век наступили, Зинаиде Александровне нестерпимо захотелось побыть хоть минуту наедине со своими мужем, чтобы сказать тому слова любви и признания, которые теснились у нее в груди.

Разгоряченные танцем, они выскочили на открытый балкон. Ночную Москву освещала праздничная иллюминация, где-то вдали трещали и брызгали разноцветными искрами фейерверки, падал снег, и было так хорошо, что Зинаида Александровна довольно надолго растянула свою поздравительную речь.

Затем они вернулись в общую залу и продолжили веселье.

На следующее утро Дмитрий Петрович почувствовал себя нехорошо. Он весь день провел дома, отложив визиты, кутался в стеганый атласный халат и немного капризничал,

требуя себе то горячего чая с лимоном, то водки с перцем. Зинаида Александровна удовлетворяла все прихоти своего простуженного мужа, называла его «мой медвежонок», кутала его ноги в теплый плед и смущенно ругала себя за вчерашнюю неосмотрительность.

– Знаешь, это я виновата, – говорила она. – Не стоило нам выходить на балкон – все-таки ты был разгорячен после танцев…

– Пустое, пройдет, – отмахивался Дмитрий Петрович. – Обычный насморк, не стоит тревожиться…

На следующий день он уже не шутил, и не капризничал, и с постели не вставал. Похоже, простуда взяла свое. На третий день был приглашен известный профессор Шредер. Зинаида Александровна уже начала беспокоиться и два раза принималась плакать, запершись у себя в спальне. Впрочем, Шредер ничего опасного не нашел и заметил, что по городу ходит инфлюэнца.

– Здоровье у вашего мужа крепкое, он легко перенесет эту простуду, – сказал он. – Но понаблюдать надо…

Шредер был и на второй день, и на третий. И каждый день его лицо становилось все недовольнее, словно Дмитрий Петрович разочаровывал его сильнее и сильнее. Через пять дней созвали консилиум, и убитой горем Зинаиде Александровне было объявлено, что у ее мужа простуда осложнилась крупозным воспалением легких…

Она не отходила от мужа, не спала и не ела почти, каждая минута ее была посвящена непрерывной неумолчной молитве о его здравии, но бог словно не слышал ее.

К концу второй недели нового столетия Дмитрий Петрович умер.

Это было столь внезапно и несправедливо, что Зинаида Александровна как будто помешалась. Она вдруг представила свои дни без мужа, без его любви и обожания, без забот о нем, она представила, каким невыносимым и бессмысленным будет ее жизнь без него, и наказание показалось ей страшнее преступления.

Тогда она, всю жизнь считавшая себя православной христианкой, взяла из стола мужа пистолет и выстрелила себе в сердце. Тело Дмитрия Петровича не успело еще остыть, когда Зинаида Александровна была тоже мертва.

Это были страшные для Андрюши дни – в доме стояло два гроба, в один миг он лишился обоих родителей.

Участие в судьбе осиротевшего отрока принял Кирилл Романович Померанцев, известный театральный деятель, близкий друг покойного адвоката. Он взял мальчика под свою опеку, он же сумел убедить всех в том, что самоубийство Зинаиды Александровны произошло из-за приступа внезапного помешательства. С помощью уговоров и больших денежных пожертвований на нужды церкви он добился того, что тело покойной отпели и похоронили рядом с мужем.

Андрей остался один на всем белом свете. Поначалу он ничего не понимал, оглушенный трагедией, не осознавал того, что отныне у него начинается совсем другая жизнь, что весь его прежний сказочный детский мир разрушен. Он даже не понял, как ему повезло, что он оказался в семье Померанцевых – людей замечательных, великодушных и талантливых. Кирилл Романович руководил театром, его жена, Мария Ивановна, вела домашнее хозяйство, старшая дочь училась в немецком университете, мечтая о славе Софьи Ковалевской, а младшая была еще гимназисткой, годом младше Андрея.

Когда Андрей попал в дом Померанцевых, младшей дочери, Евдокии, тоже не было дома – она гостила у тетки, в Одессе. Она приехала в Москву в середине февраля – именно тогда, когда Андрей потихоньку стал приходить в себя. Острая, почти нестерпимая боль еще не вполне отступила, но молодой, здоровый организм его уже начал выпутываться из тенет черной меланхолии.

Вот тогда и появилась Дуся Померанцева.

В субботу в передней звякнул колокольчик. Горничная Дуняша и старая нянька Агафоклея бросились наперегонки открывать; из своей комнаты, причитая и ахая, выскочила Мария Ивановна, пес Вертер принялся выть, а три сонные кошки – Аврора, Юнона и гордая персиянка Вампука – разом вытаращили глаза и бросились под диван.

«Что случилось? – подумал Андрей. – Ах да, кто-то должен сегодня приехать…»

Потом он услышал голоса – вскрикивающие, умиленные, восторженные, увещевающие, – и среди этого шума и гама, среди всей какофонии внезапно прорезалась какая-то новая, незнакомая нота. В передней еще долго возились, топали ногами, потом Дуняша побежала ставить самовар, в столовой стали накрывать на стол.

Сзади хлопнула дверь. Андрей обернулся и увидел невысокую тоненькую девочку, черноволосую, с румянцем до самых висков. Глаза у нее были темные, огромные, горевшие таким пронзительным светом, который бывает только у мадонн на картинах старых мастеров.

– Андрей? – вопросительно произнесла она. – Вы… нет, ты… ты теперь как брат мне!

Она хотела еще что-то сказать, но не смогла. Впрочем, он понял ее порыв – почти все, кто видел его после ужасной трагедии, произошедшей недавно, обращались к нему с подобным выражением на лице.

– Андрей, я для вас… я для тебя все что хочешь…

Она не выдержала, бросилась к нему на шею. Слегка нагнувшись, Андрей позволил себя обнять. Руки у нее были ледяные, а щеки горели точно огонь.

– Дуся? Очень ждали… я тоже рад.

В комнату заглянул Кирилл Романович:

– Познакомились, да? Ну и славненько! Дуняша, как там чай?

Дуся прошептала Андрею на ухо:

– Мы ведь будем дружить? Мы подружимся навсегда, до самой смерти… У меня есть Майн Рид и еще Фенимор Купер… Ты любишь про индейцев читать? Все мальчики любят!

– Люблю, – покорно сказал Андрей. Порыв девочки ничуть не покоробил его, даже более того – он печально умилился ее сочувствию и даже мысленно поклялся себе, что никогда и ничем не обидит ее.

Они пошли пить чай, Дуся рассказывала о своем путешествии к тетке, время от времени обращая к Андрею свой пронзительный взор, и он едва заметно улыбался в ответ.

Вечером, ложась спать, он впервые после смерти родителей вдруг ощутил себя если не счастливым, то по крайней мере не несчастным, словно лучик солнца, увиденный им перед закатом, остался в его сердце навсегда. «Это все Дуся, – подумал он, засыпая. – Дуся – хорошая…»

Прошлое медленно таяло вдали, делаясь призрачным, а Дуся становилась реальностью. Они очень подружились.

Иногда Померанцев брал Дусю и Андрея к себе в театр. В театре все было странно и не по-настоящему, пахло как-то необычно – гримом и пыльным занавесом, в полутемных закоулках за сценой прятались бутафорские колонны. Особенно интересны были репетиции, когда режиссер кричал на актеров, добиваясь достоверности в поведении.

– Ну, Дусенька, актрисой будешь? – не раз спрашивали ее в театре знакомые отца, на что она, надув щеки, отвечала туманно, что еще не решила.

Но в домашних спектаклях она играла, и играла очень мило, – у нее были способности к перевоплощению, и она даже умела плакать, если того требовала роль.

В начале лета Мария Ивановна увезла детей на дачу (у Померанцевых было небольшое имение под Москвой, называвшееся Березки), а глава семейства отправился на гастроли со своим театром.

В Березках имелись сад, оранжерея, неподалеку располагалось старинное кладбище, был также живописный пруд – словом, все условия для того, чтобы влюбиться.

На даче всегда находились толпы народа – соседи Померанцевых, приезжали знакомые из Москвы, какая-то дальняя родня… Бренчали на рояле, веселились, дети играли в индейцев и новомодный крокет, под который специально была отведена целая поляна. Ходили в лес за грибами и ягодами, молодежь устраивала пикники – аукали и кричали так, что в скором времени распугали птиц и прочую мелкую живность, которая в этих местах водилась.

Именно в то лето Андрей понял, что влюбился. Нет, даже не так – он с возрастающим ужасом и восторгом открыл для себя, что полюбил Дусю Померанцеву, дочь своих покровителей. Полюбил навсегда, до смертных мук, до полного забвения всего…

День, когда он признался ей, тоже навсегда запомнился ему.

В конце июня на даче появился художник Иван Самсонович Карасев – довольно известный, модный, который очаровал всех дачных дам. Он, как и любой гений, вел себя несколько капризно, много говорил и страдал от отсутствия темы.

– Дайте мне тему! – вздыхал он. – Я же не могу вдохновиться на пустом месте, мне непременно нужна тема!

– Нарисуйте лес, – говорили ему. – Нарисуйте наш пруд.

– Это все избито, затасканно! – капризничал Карасев. – Эти леса и пруды всем приелись, на любой выставке девяносто процентов картин – леса и пруды. Причем живописные до тошноты!

– Нарисуйте Дусю, – предложила тогда Мария Ивановна.

– Дусю? – пожал плечами художник. – Милое дитя, но почему именно ее…

И общество, которое собралось на веранде вокруг капризного гения, принялось придирчиво смотреть на Дусю, которая в это время бегала вокруг большой клумбы и ловила бабочек руками, совершенно не замечая того, что оказалась в центре внимания.

– А что? – сказал после некоторого раздумья Карасев. – Вы правы, Мария Ивановна, Дуся вполне дотягивает до темы. В ней есть что-то такое…

– Инфернальное, – неожиданно подсказал басом молодой кадет из соседей, до сих пор молчавший. Он ужасно хотел, чтобы все считали его взрослым и умным.

– Почему же инфернальное? – возмутился Карасев. – Наоборот, я вижу в Евдокии Кирилловне нечто совершенно противоположное…

Карасев заставил Дусю позировать ему каждое утро, ближе к полудню. Она распускала и расчесывала свои длинные волосы и в легком белом платье усаживалась посреди цветущего луга.

Общество с интересом наблюдало за сеансами рисования.

Все смотрели на Дусю, хвалили ее, находили выбор Карасева очень удачным, а Андрей, наблюдавший за процессом, страдал. Дуся не должна была принадлежать всем, она должна была принадлежать только ему.

У нее были очень густые, слегка вьющиеся волосы, близкие по цвету к тому оттенку, что называется в народе «вороновым крылом». Но на ярком солнечном свете они вдруг вспыхивали красными искрами, искры пробегали по выбивающимся из косы тонким прядям, отчего определенно казалось, будто вокруг Дусиной головы горит небольшой нимб.

Брови вразлет, горячие темные глаза, извивистый контур губ, нежнейшая, сочетающая в себе свойства атласа и бархата кожа, ямочки на щеках, которые появлялись при каждой улыбке…

То, что Дуся красавица, становилось особенно понятным тогда, когда она позировала Карасеву с распущенными волосами, в легком газовом платье, которое явно подчеркивало контуры ее безупречного девичьего тела. Даже Карасев менялся, когда торчал перед мольбертом, запечатлевая свою «тему» на холсте, – привычные ирония и надменно-капризный

тон слетали с него, точно шелуха, он становился беззащитным и одновременно сильным. Первое время он требовал, чтобы Дуся сидела абсолютно неподвижно, но после третьего сеанса разрешил ей вертеть головой и разговаривать.

– Главное я уже обозначил, – сказал он. – Теперь вы, милое дитя, можете немного расслабиться.

– Ну слава богу! – шумно вздохнула Дуся, обращаясь к Андрею, который всегда присутствовал на этих сеансах. – А то у меня шея затекла. А вчера был такой случай – я, правда, никому не рассказала, – по руке ползла божья коровка, очень щекотно! Я чуть не умерла, но вытерпела эту пытку, пока она не улетела, – боялась, что Иван Самсоныч меня заругает…

Карасев стал ей говорить что-то шутливое, а Андрей именно в этот момент решил жениться на Дусе. Он удивился, как до сих пор ему в голову не приходила очень простая и снимающая все его муки мысль – ведь если Дуся будет его женой, то никто уже не отнимет ее у него. Она будет только его – до тех пор, пока смерть не разлучит их. И именно тогда он понял и простил свою мать, которая и часу лишнего не захотела задерживаться на этом свете, в котором уже не было Дмитрия Петровича.

После обеда в имении Померанцевых часа на два устанавливалась тишина – залитый солнцем сад замирал, и становилось слышно, как гудят шмели над цветами. Пес Вертер прятался в свою будку, построенную в духе готической архитектуры, что являлось вечной темой для шуток, ни один гость не мог спокойно пройти мимо этой будки, а кошки исчезали куда-то. Мария Ивановна читала, лежа в гамаке, скрытая в тени деревьев, остальные просто-напросто отправлялись спать.

«Фиеста, – сообщил кадет Михайлов. – Такое время суток называется фиестой у латиноамериканских народностей».

«Сиеста, – поправил Карасев. – И пошло сие, по-моему, не от латиносов, а от испанцев. А вообще, сон после обеда – любимое времяпрепровождение старосветских помещиков, так что мы, господа, поступаем вполне в духе русского народа». И он тоже заваливался спать.

Но Дусе такой образ жизни был не по душе, спать ей никогда не хотелось. Она очень обрадовалась, когда Андрей позвал ее покататься после обеда на лодке.

– Хоть ты меня понимаешь! – горячо воскликнула она.

– Дуся, возьми зонтик! – расслабленным голосом крикнула ей вслед мать, не вылезая из гамака. – Может быть солнечный удар…

За ними было увязалась младшая двоюродная сестра Дуси, но Андрей ей шепнул, что из воды может выглянуть страшный водяной, и девчонка отстала.

После утреннего сеанса рисования Дуся так и не переоделась – ходила в том же легком белом платье, с распущенными волосами, очень довольная тем, что все восхищаются ею.

– Андрей, как ты думаешь, Карасев – хороший художник? – спросила она своего спутника по дороге к пруду.

– Наверное, – пожал плечами Андрей. – Ты же слышала, что Третьяковка купила у него две картины.

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – засомневалась Дуся. – Что ж, талантливыми считать только тех, чьи картины в музеях висят? А как же остальные? Бывают же, например, непризнанные гении…

– Я знаю, почему ты спрашиваешь! – засмеялся Андрей. – Тебе интересно, повесят твой портрет в Третьяковке или нет.

– Фу, как грубо! – рассердилась Дуся, покраснев. Слова Андрея задели ее за живое.

Они подошли к воде.

Пруд был до неприличия живописен – недаром Карасев отказывался рисовать его, утверждая, что сейчас в мире переизбыток подобных пейзажей. Темная гладь подернулась у берегов ярко-зеленой ряской, желтые лилии неподвижно парили на воде, над зарослями

камышей и осоки летали серебристые стрекозы, ивы театрально кручинились у берегов, склоняя свои кудрявые ветви к поверхности.

– Опять Михайлов здесь ел пирожные, – с досадой сказала Дуся, отряхивая сиденье в лодке. – Сам все о возвышенном, об инфернальном, а пирожные трескает целыми корзинами!

Андрей оттолкнулся веслом от берега.

Ему было страшно – он знал, что Дуся любит его, но какой-то чересчур заботливой, сестринской любовью. Раз и навсегда пожалев его, могла ли она увидеть в нем не только несчастного сироту, но и мужчину, с которым можно связать свою жизнь?

– Говорят, здесь, в пруду, живет огромный сом, – произнес он неожиданно вовсе не то, что хотел сказать.

– О да! – моментально оживилась Дуся и зачерпнула пригоршней воду. Она сидела на корме в живописной позе, разбросав складки своего воздушного платья по сиденью, и была нереально красивой. – Помнишь Антон Антоныча, старичка с соседней дачи, что заходил к нам на прошлой неделе? Так вот, он страстный рыболов и утверждает, что видел этого сома.

– Что же он не поймал его? – усмехнулся Андрей.

– Нет, ты не понимаешь, такое огромное животное невозможно вытащить в одиночку! Антон Антоныч тоже сидел в лодке, а сом выплыл откуда-то снизу, из темной глубины, открыл пасть и выпустил огромный пузырь воздуха. Пасть у него была величиной с отверстие в печке, а зубищи…

– А потом?

– Потом Антон Антоныч с испуга ударил сома веслом. Тот перевернулся и скрылся в глубине, только хвостом махнул. А хвост у него был величиной с целое бревно…

– Вот бы увидеть! – мечтательно произнес Андрей. – Ты бы хотела увидеть?

– Да, – вибрирующим от ужаса и восторга голосом произнесла Дуся, опять погружая пальцы в воду. – И ты знаешь, не просто увидеть…

– А что еще? Поймать?

– Нет, нет… Мне после рассказа Антон Антоныча сон приснился… как будто я плаваю, а эта рыбина подплывает ко мне откуда-то снизу, разевает свою пасть, а из нее пузырь воздуха, словно она хочет мне что-то сказать! И я вот с тех пор думаю… Знаешь, Андрей, я бы очень хотела хоть раз поплавать в этом пруду. Не там, у бережка, где купальня и воды по пояс, а именно здесь, на глубине, где никто никогда не плавал. Чтобы, знаешь, было так страшно и интересно – съест меня сом или не съест?

– Я где-то читал, что крупные экземпляры сома иногда нападали на малолетних деревенских детей и якобы утаскивали их на дно. Ведь это же хищник! – хитро произнес Андрей. Но его слова только еще больше раззадорили Дусю.

– Да-а? – поразилась она. – А я? Как ты думаешь, сом может принять меня за добычу?

– А зачем тебе? Ты что, собираешься здесь искупаться?

– Собираюсь! – выкрикнула она, видимо, криком отгоняя страх. – А что, ты думаешь, не смогу?

– А платье? – напомнил Андрей. – Если ты его испортишь, Иван Самсонович очень расстроится. Он ведь начал тебя рисовать именно в этом платье…

– А что платье! – лихо произнесла Дуся. – Я его сниму. У меня под ним рубашка длинная, вполне пригодная для купания.

Она сказала это столь просто и бесхитростно, что кровь бросилась Андрею в лицо. Ее слова выражали последнюю степень доверия к нему, но вместе с тем – так не стыдиться можно только брата или подруги…

– Нет, Дуся, пожалуйста… – умоляюще прошептал он. – А вдруг кто-нибудь увидит…

– Значит, тебе совершенно наплевать, съест меня сом или не съест, а вот каких-то посторонних людей…

– При чем тут люди! – рассердился он. – Это ты меня за человека не считаешь, готова все с себя скинуть…

– А ты отвернись, – сердито ответила Дуся. – Если ты порядочный человек, ты не будешь за мной подглядывать!

– Нужна ты мне очень, за тобой подглядывать! Но вот если сом на тебя нападет, как я тебя буду спасать с закрытыми глазами?!

– Как? – театрально рассмеялась она. – Меня уже тогда никто не спасет, Андрюша, голубчик…

Она играла. И ей очень нравилось играть! У Андрея тогда мелькнула мысль, что Дусе не минуть актерского пути… Но все это было сейчас неважно – потому что он увидел, что она стягивает через голову платье.

Он поспешно отвернулся, все-таки заметив край белоснежной батистовой рубашки с кружевным подолом, из-под которой торчали Дусины ноги.

– Пусть тебя сом проглотит, а я тебя совершенно спасать не буду, – ледяным голосом произнес он. – Вот как хочешь, а ты все-таки сумасшедшая…

– Мама! – взвизгнула Дуся и бухнулась в воду. Лодка закачалась, едва не выбросив Андрея. Пытаясь выровнять борта, он вцепился в них руками и невольно открыл глаза. Дусина рубашка белым пятном расплылась по поверхности, а над ней веером взметнулись волосы – посреди этого черно-белого пятна было испуганное Дусино личико. Она била по воде руками, а потом вдруг успокоилась и поплыла.

– Страшно? – не слыша собственного голоса, спросил он.

– Ага… – с восторгом ответила она. – Ой, не могу… все время кажется, что кто-то подплывает ко мне снизу и даже будто что-то холодное у ноги… Ай, боюсь, дай руку!

Андрей сделал несколько взмахов веслами и подплыл ближе. Он протянул ей руку, стараясь не смотреть на открытые Дусины плечи, и в то же время не мог не смотреть.

Но Дуся не приняла его руки.

– Нет, все, прошло, – уже почти спокойно сказала она и отплыла дальше. – Но как хорошо… Вода очень теплая!

Качались кувшинки на волнах, сонно клонились ивы… Какая разница, увидит их сейчас кто-то или нет?

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно!

– Что? – обернулась она – смеющееся мокрое личико, ямочки на щеках, капли воды дрожат на черных ресницах, огненный нимб над головой.

Он скинул с себя ботинки, легкую льняную куртку и прыгнул в воду. Вода была теплой и пахла, словно отвар той лечебной травы, которым его поили в детстве.

– Ага! – завизжала Дуся. – Что, и тебя разобрало?

Он проплыл мимо нее, поднимая тучи бриллиантовых брызг, и в сердце был такой восторг, что никакое наказание не страшило.

Они поплыли наперегонки, потом обратно. Берег был далеко, деревянный сарайчик купальни казался ненужным и странным сооружением.

– А сом? Вдруг появится сейчас сом? – заорал Андрей, брызгая в Дусю. – Вот он сейчас…

– А-а-а… – завизжала та тоненько, уже изнемогая от какого-то щенячьего восторга, который вызывало у нее купание в запретном месте.

Андрей подпрыгнул и нырнул с головой. В воде он открыл глаза – было полутемно, гудящая тишина заполнила уши.

Дуся плескалась где-то над ним, у поверхности – вот ее искаженный толщей воды силуэт, голые тонкие ноги мелькают, словно бегут…

Он выдохнул несколько больших пузырей, которые символизировали подплывающего сома, и потом тихонько пощекотал ей пятки.

Что было там, на поверхности, он не знал, но Дуся засучила ногами еще сильнее. «Не утонула бы от страха…» – подумал он и вынырнул. В уши ему сразу ударил Дусин крик.

– А-а… Андрюша, дурак… как будто взаправду…

– Ну? Ты этого хотела, да? – с напускной суровостью произнес он, убирая со лба налипшие волосы.

– Я чуть не умерла… ай, ты не понимаешь…

Они смеялись, как сумасшедшие, потом Дуся глотнула воды и закашлялась, пришлось плыть к берегу. Пока Дуся сохла, Андрей пригнал лодку. Они сели рядом, скрытые от посторонних глаз камышом.

– Здорово… – стуча зубами, произнесла Дуся. – Как по-настоящему…

– Но ты же видела, что это я!

– Все равно, как будто сом с глубины…

– А ты чуть не утонула! Волосы поправь, чтобы они высохли быстрее…

Андрей равномерно разделил на пряди Дусины тяжелые волосы. Они лежали на траве, точно черные змеи. Батистовая рубашка стала совсем прозрачной – и было видно все, абсолютно все, но Андрей сделал вид, будто ничего не замечает. Тем более что Дуся никак не обращала внимания на свою наготу.

– Врал Антон Антоныч!

– А может, и не врал!

– Нет, он совсем старенький, ему могло привидеться. Увидел бревно в воде, и вот, нате вам – чудо-юдо рыба-кит…

– Ты, наверное, удивишься, а может быть, и нет…

– Чему? – спросила Дуся.

– Тому, что я люблю тебя, – просто ответил он.

– Дай-ка мне платье, – вдруг, опустив глаза, потребовала она. – Я, кажется, уже высохла…

Дуся быстро накинула на себя платье и только тогда посмотрела Андрею в глаза.

– Я тебя тоже люблю, – серьезно произнесла она. – Вообще, ты мой самый лучший друг, я тебя как будто тысячу лет знаю.

– Нет, ты не понимаешь, – беспомощно улыбнулся он. – Я тебя не так люблю… не как сестру или как еще какую-нибудь там родственницу.

Дуся ахнула и прижала ладони к щекам. Она поняла.

– В общем, я тебя не тороплю с ответом, да и рано еще – в смысле возраста… Но когда-нибудь настанет день, когда я подойду к Кириллу Романовичу и попрошу твоей руки. Так вот – ты будешь не против?

Дусины глаза приобрели знакомое Андрею страдальческое выражение – так посмотрела она на него впервые, когда увидела после трогательного рассказа ее отца о бедном сироте, разом лишившемся обоих родителей.

«Откажет! – с отчаянием подумал Андрей. – Вон как смотрит… Господи, и за что мне такая мука!»

– Андрюшенька… – растерянно прошептала она. – Вот тебе крест, я умереть готова, чтобы тебе хорошо было…

– Да не надо для меня умирать, я совсем другого хочу… Я хочу, чтобы ты для меня жила!

– Ну да, ну да… – торопливо кивнула Дуся, видимо, испугавшись, что огорчила его. – Я согласна!

– Согласна быть моей женой?

– Да! – прошептала она и зажмурилась. Из-под дрожащих ресниц быстро скользнули две слезинки.

Совсем не того ждал Андрей – он мечтал о том, чтобы его признание Дуся приняла с радостью, чтобы не было никаких слез… Или он вообще не знает женщин, не знает, как они ведут себя в подобных ситуациях? Наверное, так…

– Я, правда, люблю тебя… – тихо произнес он и взял Дусю за руку.

– Ты милый. – Она открыла глаза и быстро-быстро заморгала, отчего с ресниц слетели еще две слезинки. – Ей-богу, я относилась к тебе, как к родному! Но это что же тогда… Тогда надо все по-новому, по-другому к тебе относиться?

– Я тебя не тороплю и вообще ни к чему не принуждаю…

– Да отчего же! Я вот тебе прямо сейчас отвечаю – я тебя тоже люблю и хочу быть твоей женой. Ты хороший человек, добрый – лучше тебя, пожалуй, я никого и не знаю… Так отчего же не составить тебе счастье?

– А ты… будешь ли ты счастлива, если станешь моей навеки?

– Буду! – ответила Дуся, не раздумывая.

Он взял ее руку и поднес к губам. У Дуси была тонкая, узкая ладошка с необычайно длинными, изящными пальцами, с какими впору на скрипке музицировать, и подумал – «моя»…

– Отчего же руку… – с укором произнесла она, – мы же теперь…

О подобном счастье Андрей и не мечтал – Дуся сама обернула к нему свое лицо, на щеках едва обозначились ямочки, губы ярко рдели на солнце, и было видно, как под тонкой кожей пульсирует кровь.

Он осторожно прижал ее к себе и поцеловал, не веря своему счастью. Он никогда не испытывал ничего подобного. Поцелуй длился лишь несколько мгновений, но он запомнил его на всю жизнь, возведя ему храм в своей душе».

* * *

– Серебряный век русской литературы длился чуть более двух десятков лет. С точки зрения вечности – это даже меньше, чем мгновение. Людей, наделенных божьим даром, было в то время множество. Анна Ахматова, Иннокентий Анненский, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Велемир Хлебников, Владимир Маяковский, Валерий Брюсов… Вот, послушайте:

Среди миров, в мерцании светил
Одной звезды я повторяю имя…
Не потому, что я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа.
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

Мои студенты сидели тихо и слушали стихи, которые я им читала. Вообще, все они были очень умными мальчишками и девчонками. Но они не знали и половины того, что на самом деле скрывало то время.

Звонок, как всегда, прозвенел некстати – на лицах многих отразилось некоторое разочарование – они готовы были еще слушать.

Ко мне подскочила девчонка с первой парты:

– Елизавета Аркадьевна, вы будете темы курсовых раздавать? Если да, то у меня к вам вопрос…

– Господи, милочка, семестр только начался… Не слишком ли рано?

– Нет, не рано. Дайте библиографический материал по следующим темам…

Она задавала мне вопросы довольно долго, пока в аудиторию не вошла Аглая.

– Лиза, ты освободилась?

– Теперь да, – сказала я, когда дотошная студентка упорхнула.

– Что с твоей научной работой? Викентий говорил, что дал тебе какой-то адрес…

– Да, я туда ездила дней десять назад. Рукописи, письма… Очень интересный материал. – Я замялась – рассказать ей или нет? Все-таки мы с ней не настолько были близкие подруги. А язык мой сам решил за меня: – И там со мной приключилась интересная история. Мне кажется, я влюбилась. Одной звезды я повторяю имя…

– Та-ак… – выдохнула Аглая. Потом села на стол прямо передо мной и заерзала, устраиваясь поудобнее. – Кто он?

– Да неважно… Ничего не важно. Мы, наверное, больше никогда не встретимся. – Я постаралась улыбнуться, но у меня не очень получилось. – Было бы глупо, если бы из-за одной ночи, проведенной вместе, я строила какие-то невероятные прогнозы…

Ну вот, сама не заметила, как проговорилась! Глаза Аглаи за толстыми стеклами очков стали совсем огромными.

– Ты провела с ним ночь? Приехала – и сразу же отдалась?

– Такое впечатление, будто ты преподаешь не грамматику, а сексопатологию…

Делать нечего – пришлось ей все рассказать.

– Так ты думаешь, это любовь? – После моего рассказа задумалась она, посасывая дужку очков. – Нет, дорогая, все гораздо прозаичнее. И объясняется просто – ты уже целый год одна и потому от безысходности бросилась на первого встречного, а он оказался человеком с сомнительной репутацией… Ты сказала, он в кафе поет?

– В клубе или ресторане…

– Какая разница, хрен редьки не слаще – в злачном месте, короче… И не имеет никакого значения, что он правнук какого-то там писателя, одно другому не мешает! Я тебе признаюсь – еще до знакомства с Леонидом Ивановичем в моей жизни был такой случай…

– Ты будешь рассказывать мне историю пятнадцатилетней давности?

– Да, а что? Я все очень хорошо помню, как будто это было вчера…

– Аглаша, чужой опыт бесполезен, каждый раз история повторяется по-новому!

– Как его зовут? – спросила Аглая.

– Александр.

– А выглядит он как? Нет, ты не думай, это не праздное любопытство, я пытаюсь составить для себя его психологический портрет…

Я по возможности подробно описала внешность Саши.

– Как будто я его видела… – задумчиво произнесла Аглая, уже не посасывая, а буквально вгрызаясь зубами в дужку очков. – Ей-богу, ты так хорошо его описала, что…

– Да где ты его могла видеть! – с досадой воскликнула я. – Что ты придумываешь…

– Тут и видела! – вдруг воскликнула Аглая. – Даже не один раз. Он стоял за оградой, перед сквером, и смотрел на наши окна.

– Что ты придумываешь! – с отчаянием повторила я.

– Ничего я не придумываю! – возмутилась она. – Вон, выгляни в окно – он и сейчас там стоит. Смотри-смотри, как раз за памятником.

Аглая надела очки и указующим перстом обозначила направление, куда надо глядеть. Я глянула и… уронила папку, бумаги рассыпались по полу. Это было странно, смешно, невероятно – но за бронзовым памятником Гоголю, который стоял в скверике нашего института, стоял Саша. В своем черном костюме, с безукоризненной прической. Было довольно далеко, но я сразу же его узнала.

– Это он! – с удивлением прошептала я.

– Вот, а ты мне не верила… – удовлетворенно запыхтела Аглая, собирая с пола мои бумаги. – Я же тебе говорила!.. Я его второй раз тут вижу. Только чего он, дурак, не догадался зайти на кафедру и спросить о тебе?

– Ну, наверное, стеснялся…

– Стеснялся! Что это за мужчина, который стесняется… Тоже мне – «одной звезды я повторяю имя…»! Хороша звезда…

Я схватила папку и побежала, едва не сбив с ног Милорадова, преподавателя английского, важно шествовавшего по коридору.

– Осторожнее! Совсем озверели!.. – рявкнул он, решив, что на него налетел кто-то из студентов. Но увидел меня, и тон его сменился на удивленный: – Ах, это вы, Елизавета Аркадьевна!..

Я пробралась сквозь гудящую толпу студентов, которая толпилась в сквере, и выскочила в ворота.

– До свидания, Елизавета Аркадьевна! – крикнул мне в спину кто-то, кажется, Ковальчук.

– До свиданья… – машинально отозвалась я.

За ажурной старинной оградой ходил туда-сюда Саша – как будто встревоженный и недовольный.

– Саша, вы? – На этот раз улыбка вырвалась у меня сама собой.

– Господи, Лиза… – Он бросился ко мне, схватил за руки. – Я уж думал, что никогда не найду вас! Только почему же мы на «вы»…

– Ах, я и забыла, что ты честный человек… Нет, правда, Саша, как ты меня нашел?

– Ты же сказала маме, где работаешь, а в Москве не так уж много филологических институтов. Я приезжал сюда несколько раз… Ты так неожиданно сбежала тогда, не оставила ни адреса, ни телефона!

– Что-то случилось?

– Случилось, – сказал Саша. Он так это сказал, что сразу стало ясно, что это «случилось» касается только меня.

– Елизавета Аркадьевна… – раздалось за моей спиной.

– Что? – оглянулась я. Сквозь ограду просунул голову Ковальчук и смотрел на меня своими круглыми, абсолютно непроницаемыми небесно-синими глазами. – Что вам, Ковальчук?

Он подумал немного, словно не зная, что сказать, но потом все-таки сказал, кивнув на Сашу:

– А это кто? Он вам кто?

– Господи, какой дурак… – засмеялась я. – Саша, отойдем.

Мы отошли к дороге, и я пояснила:

– Это студент. Лекции только что закончились… Некоторые ребята ужасные раздолбаи и балбесы, но в общем-то они очень славные.

– Понятно, – кивнул Саша. – Кстати, ты не выглядишь их преподавательницей. Ты даже моложе их смотришься.

– Ну, спасибо… Так что же случилось?

– Нестерпимое желание увидеть тебя. Я проснулся утром, зашел в твою комнату и увидел, что тебя нет. Только записка… Я даже накричал на маму.

– Бедная Нина Ивановна!

– Ничего, мы с ней уже помирились. Но я и правда до вот этого самого момента, то есть до тех пор, пока не увидел тебя сейчас, был действительно не в себе. Слава богу, ты нашлась. – Он не сдержался и обнял меня.

Я украдкой поглядела в сторону ограды – из-за нее на нас смотрели несколько пар любопытных глаз. Черт возьми, студенты мои, кажется, думают, что только у них может быть личная жизнь!

– Что же мы будем делать? – спросила я.

– Что хочешь, я сегодня свободен. Пойдем куда-нибудь?

– Хорошо, – согласилась я. – Только ни в какое кафе я не хочу, пойдем в какой-нибудь парк. Сегодня хорошая погода, солнышко…

– Это потому, что я нашел тебя… Только не пойдем, а поедем. Я на машине.

– Ах да…

Сейчас я посмотрела на автомобиль Саши внимательнее. Вишневого цвета иномарка смотрелась весьма представительно, о чем я не замедлила ему сообщить.

– Ну что ты! – засмеялся он. – Ей пятнадцать лет. Правда, еще очень крепкая старушка.

Мы сели и поехали. Куда – мне было совершенно неважно. В том состоянии, в какое я впала при виде Саши, я была, кажется, готова любоваться даже трубами какой-нибудь электростанции. Саша нашел меня!

Возле одного из светофоров образовалась небольшая пробка. Мы остановились, Саша положил голову на сложенные на руле руки и посмотрел на меня.

– Мне казалось, что я тебя не узнаю, когда увижу, – вдруг сказал он. – Так бывает, когда долго кого-то не видишь, да? А теперь вижу, что ты еще лучше, чем я себе представлял. Ты красивая. Нет, ты даже не просто красивая, ты…

– Какая? – засмеялась я. – Ну, скажи!

– Прекрасная. Ты красивая, и ты прекрасная. Чувствуешь оттенки?

– Чувствую… Только нам уже сигналят сзади!

Мы поехали дальше. Мимо мелькали дома, витрины, рекламные вывески. Когда-то давно, в прошлой жизни, меня тоже катали так. И тоже на иномарке, правда, более новой. Хотя при чем тут марка машины и год ее выпуска?

– О чем ты думаешь?

– Так, ни о чем… Хотела тебя спросить – не слишком ли много комплиментов за единицу времени?

Он быстро взглянул на меня и твердо ответил:

– Нет.

Мы подъехали к парку Победы.

– Как тебе это место? Если хочешь, то можно в какой-нибудь другой парк поехать…

– Нет-нет! Очень хорошее место. Здесь много фонтанов, а я люблю фонтаны. Правда, на них лучше смотреть ночью, когда темно и горит подсветка…

– До темноты не так уж и долго… – посмотрел он на часы.

Мы оставили машину на стоянке и побрели по длинной аллее. Мимо со свистом проезжали роллеры.

– Какая-то дорога странная, – пробормотал Саша, глядя себе под ноги. – Что это здесь нарисовано? Колечки, цветочки…

– Я знаю что: по этой самой аллее бродят молодожены…

– Бродят! Ты сказала – бродят…

– Ну да, не кросс же они тут бегают…

С ним было легко и весело. «Да, влюбилась, – сказала я себе. – Я точно влюбилась, без всякого там «кажется»… И мы идем по аллее молодоженов, что само по себе очень символично. А вдруг именно Саша станет моим мужем?»

И я посмотрела на своего спутника совсем другими глазами.

– Ты тоже об этом подумала? – спросил он вдруг.

– О чем? – Я решила не рассказывать ему о той мысли, которая только что мелькнула у меня в голове. Я, конечно, не ханжа, но мы и так слишком форсировали события.

– Нет, сначала скажи…

– Вот еще!

– Хорошо, – кротко произнес он. – Я тогда тоже ничего не скажу. Только ты потом мне напомни.

– Когда – потом?

– Ну, когда-нибудь потом…

– Нет, мне надо точнее!

– Потом, – туманно повторил он и повернул меня к себе, – когда-нибудь…

Мы целовались на этой самой аллее, а мимо нас со свистом проскакивали роллеры. Я чуть приоткрыла глаза – светило вечернее солнце, и весь горизонт был залит золотом…

Напрасно я переживала, что не увижу фонтанов с подсветкой, – время промчалось незаметно. В очередной раз отвечая на Сашин поцелуй – мы стояли за Никой Самофракийской, на какой-то площадке под навесом, – я обнаружила, что уже ночь.

Мы сначала бродили вокруг одних фонтанов – веселых, распустившихся белыми и желтыми зонтиками, потом пошли к другим, с красной подсветкой, которые символизировали кровь погибших. Я призналась, что мне немного не по себе – довольно жуткое, тягостное зрелище…

– Но завораживает, – сказал Саша.

– Да, завораживает…

Время стремительно приближалось к ночи.

– Что же делать? – сказал он просто. – Я не в силах с тобой расстаться.

Мне вдруг стало наплевать на все приличия и на соблюдение каких-то там дурацких церемоний. Я и так уже пропала.

– Что же – аналогично, – кивнула я.

– Мой милый маленький профессор…

– Я еще даже не доцент пока!

В результате мы поехали ко мне домой.

…Наблюдать за Сашиным пробуждением было очень интересно.

Сама я уже минут десять как проснулась и теперь смотрела на него. Он тихо дышал, потом, наверное, почувствовал мое движение рядом – чуть задрожали его ресницы, он слегка пошевельнулся. И, не открывая глаз, протянул руки в мою сторону. Я отодвинулась к краю постели. Еще некоторое время я ускользала от его ищущих рук, но в конце концов он поймал меня.

– Ну, куда ты убегаешь? – сонным голосом пробормотал он. – Ты моя, моя, моя… Не пущу!..

Это было интересно и приятно – потому что он начал искать меня, еще находясь на зыбкой грани между реальным и нереальным миром.

– А кофе в постель? – строго спросила я. – Приличные люди в это время подают кофе в постель!

– Что? – встрепенулся Саша. – Ах, ну да… сейчас я встану… Где у тебя кофе?

– Не надо никакого кофе! – засмеялась я, обнимая его. – Я пошутила… Если честно, я не очень-то и люблю его…

– Кстати, я тоже, – оживился он.

– Мне сегодня на работу идти ко второй паре, так что время у меня есть, – важно произнесла я, выскальзывая из его рук. – Я, пожалуй, приготовлю тебе завтрак.

– О, это было бы здорово! – с энтузиазмом воскликнул он.

– А ты, наверное, маменькин сынок? – спросила я. – Привык, чтобы за тобой ухаживали, да? Кормили, гладили рубашки…

– Да, конечно!.. Но зато я умею быть очень благодарным…

Мы болтали – полушутя, полусерьезно, потом переместились на кухню, где я вплотную занялась приготовлением завтрака. Не мудрствуя лукаво, я соорудила настоящую глазунью: желтки были глазами, а нос, рот и брови я нарисовала на яичнице кетчупом.

– Боже, это же настоящий шедевр! – восхитился Саша. – Даже есть жалко… Кстати, а ты что будешь есть?

– Вот, йогурт в стаканчике и апельсин…

– И все? – ужаснулся он. – Теперь понятно, почему ты так и не выросла!

– Ты что, хочешь сказать, что я лилипутка?

– Нет, ты – ми-ни-а-тюр-ная. Ты такая хорошенькая… – Он вдруг забыл о глазунье и полез обниматься. – А тебе обязательно идти на работу?

– Саша!

Потом он отвез меня на работу. А вечером встретил…

Мы были почти неразлучны, и я с некоторым удивлением прислушивалась к себе. Я совсем не уставала от непрерывного общения с Сашей. Не раз в своей прошлой жизни я слышала, что я эмоционально холодна и вечно соблюдаю некую дистанцию, словно храню в своей душе бог весть какие важные тайны.

Но сейчас ничего этого не было. Я скучала по Саше, даже если мы расставались только до вечера. Я все время стремилась к нему – он был теплый, милый, мягкий, его хотелось ласкать и гладить, словно плюшевую игрушку…

– Послушай, я все хотел спросить тебя… – однажды сказал он, находясь у меня дома. – Ты что, совсем одна?

– О чем ты?

– Ну, я все смотрю, как ты живешь… ни одной фотографии нигде… У тебя что, ни одного даже самого завалящего родственника нет? Какого-нибудь там двоюродного дяди или троюродной племянницы…

– Представь себе, нет, – вздохнула я полушутя. – Сиротинушка я горемычная…

– Нет-нет! – тут же ринулся он в атаку. – Ты не одна! Я буду тебе за всех родственников сразу… Я тебе не говорил?

– Что?

– Что я люблю тебя…

– Не припомню, если честно.

– Так вот сообщаю: я тебя люблю! – Саша прижал меня к себе, уткнулся носом мне в шею, стиснул так сильно, что я едва не задохнулась. – И я отказываюсь от всех своих родственников… чтобы только ты любила меня!

– Какой же ты свинтус, Саша! Слышала бы тебя сейчас Нина Ивановна…

– А ты? Ты меня любишь? Между прочим, а ты разве не свинтус? Ты мне до сих пор не сказала, что любишь меня!

– Люблю, – вдруг произнесла я. И тут же продолжила стихами: – «Не спрашивай: ты знаешь, что нежность безотчетна, и как ты называешь мой трепет – все равно; и для чего признанье, когда бесповоротно мое существованье тобою решено…»

– Это кто? – завороженно спросил Саша. – Мне еще ни одна девушка не читала стихи…

– Это Мандельштам. А девушки – дуры, могли бы заучить пару строчек наизусть, косили бы под интеллектуалок… У тебя их было много?

– Кого?

– Ну, дур… то есть девушек?

– Я не помню, – совершенно искренне сказал Саша.

Однажды, в конце сентября, когда теплая осень еще гуляла по городу, я вдруг вспомнила наш с Сашей разговор. Не весь, а только ту его часть, которая касалась моих предполагаемых родственников.

Что поделать – у меня и в самом деле их не было. Ни сестры, ни брата, ни двоюродного дяди, ни троюродной племянницы. Мама умерла четыре года назад, когда я заканчивала аспирантуру в своем родном Филологическом институте, а папу я не видела ни разу в жизни, у меня даже фотографии его не было. А ведь родители мои были официально расписаны, я носила фамилию и отчество вполне определенного человека…

Дело заключалось в моей маме.

Очень давно, когда я была еще младенцем, она поссорилась с папой. Навсегда. К нам даже алименты не приходили, поскольку мама их и не требовала. Но он же был, тот человек, чью фамилию я официально носила… Интересно, жив ли он? И почему он не проявляет никакого интереса к моему существованию?

Наверное, он очень обиделся на маму, раз так и не появился в моей жизни. Мама не только умела обижаться, но с легкостью наносила смертельные обиды другим людям.

Она умудрилась поссориться даже со своей лучшей подругой Алисой. Я помнила эту Алису – вечная сигарета в мундштуке и ряды рябиновых бус на шее…

Словом, своего отца я не видела. И вот сейчас мне вдруг очень захотелось посмотреть на него. Именно сейчас, когда, казалось бы, моя жизнь была заполнена Сашей.

«Почему нет? – подумала я. – Я хочу найти своего отца, и ничего странного в моем желании нет. Странным является то, что до сих пор эта мысль мне почему-то даже в голову не приходила!»

Своей мыслью я немедленно поделилась с Аглаей. Мы с ней сидели за столиком в институтской столовой, в закутке для преподавателей. За стеной, в общем зале, шумела студенческая братия, налегая на суп харчо и поджарку с рисом плюс компот из сухофруктов – на третье.

– Зачем это тебе? – удивилась Аглая.

– Ну как же так – я прожила почти половину жизни и ни разу не видела своего родителя…

– Ну ладно… – пробормотала Аглая, поправляя указательным пальцем очки, сползшие к кончику носа, – против любопытства не попрешь. А как ты собираешься искать своего папашу?

– Как? Да очень просто – где-то дома должны быть записаны его данные. Время и место рождения. Имя я его знаю – осталось только обратиться в Мосгорсправку.

– Не надо в Мосгорсправку, – вдруг важно произнесла Аглая. – У Леонида Ивановича есть доступ к базе данных. Позвони мне вечером…

И я ей позвонила. И сообщила все, что знала о своем отце: Аркадий Елисеевич Синицын, родился в Москве в тысяча девятьсот сорок седьмом году.

На следующий день ближе к последней паре Аглая прибежала ко мне на кафедру и сунула какую-то бумажку.

– Вот адрес… Мне сейчас некогда, мои лабораторную пишут… Нашелся твой родитель!

– Ты уверена, что это он? – с сомнением произнесла я. – Как быстро все…

– Он, он! В Москве только один Аркадий Елисеевич Синицын такого возраста. И он, кстати, живет совсем неподалеку.

– Да, минутах в пятнадцати ходьбы, – задумчиво произнесла я, глядя на адрес. – Я, пожалуй, прямо сейчас и зайду к нему.

– Может, хоть позвонишь сначала? Тут и телефон есть…

– Нет-нет, я лучше зайду. Сюрприз будет!

– Да уж… – неопределенно пробормотала Аглая. – Ладно, я побежала. Потом все расскажешь!

Улица Жарикова, дом семь… Неизвестно, что меня там ждет… Я хотела позвонить Саше, сказать, куда иду, но потом передумала – в конце концов дело касалось только меня.

Дошла я даже быстрее и оказалась в тихом московском дворе, засыпанном желтой листвой.

Старый сталинский дом с просторным гулким подъездом. Лифт был тоже старый, я уж и забыла, что бывают такие конструкции с открывающимися вручную дверями…

Подошла к квартире и позвонила – сердце сжалось от волнения и страха. А вдруг здесь живет не мой отец, а всего-навсего однофамилец? Нет, это не самое худшее. Гораздо неприятнее будет, если Аркадий Елисеевич не пожелает со мной разговаривать. Решит, например, что дочка спустя почти тридцать лет явилась к нему выбивать наследство. А мне и не надо ничего, я просто хочу на него посмотреть…

Дверь открыл седоватый небритый мужчина в мятых брюках и футболке с изображением легендарной группы «Бони М».

– Вам чего? – хмуро спросил он.

Секунду помедлив, я назвала полное имя своей матери.

Мужчина вздрогнул, тень пробежала по его лицу.

«Точно, он!» – почти с уверенностью подумала я.

– Проходите, – с усилием произнес мужчина, отступая назад.

Он провел меня в большую неубранную комнату, в которой стоял застарелый запах табака. Нет, нельзя было сказать, что здесь живет опустившийся человек, просто – берлога старого холостяка.

– Садитесь, вот кресло… – пробормотал он. Но сам не сел, а стал ходить по комнате взад-вперед. – Вы, наверное, Елизавета… Ее дочь. Господи, я сразу мог догадаться, кто вы такая! Очень, очень похожи…

– Разве? Мне кажется, мы с мамой совсем не похожи. Аркадий Елисеевич, я…

– Что?

– Вас не удивляет, что я решила разыскать вас…

– Нет, не удивляет. – Он наконец остановился. Встал возле пыльного окна, сложив руки на груди, и начал пристальным, немигающим взглядом всматриваться в мое лицо. – Знаете, я как будто ждал чего-то такого… Знал, что рано или поздно она появится в моей жизни!

– Она не появится, – дрожащим голосом возразила я. – Ее уже нет… Мама умерла несколько лет назад.

– Да? – Он дернулся точно от удара током и вдруг стал хохотать – громко, истерично и как будто немного театрально даже… Меня этот смех покоробил, хотя в душе я все время ждала подобной реакции. Я подозревала, что они с мамой расстались после какой-нибудь ужасной ссоры. Наверное, он до сих пор не может ей простить. – Она наконец в аду – боже, какое счастье!

Нет, такое было уж слишком!

– Перестаньте! – закричала я. – Что бы там ни было у вас с ней в прошлом, оно не имеет никакого значения, потому что это уже в прошлом! Осталась я, и я хотела бы…

– А при чем тут вы? – спросил Аркадий Елисеевич, мой потерянный и вновь найденный родитель.

– Как – при чем? – опешила я. – Я вроде как ваше имя ношу… Я ваша дочь.

– Дочь?! Ну да, дочь… – Он перестал смеяться, и его небритое лицо потемнело еще сильнее. – Дочь. Лизонька.

Аглая была права – незачем мне было сюда приходить. Сколь же глупы приступы сентиментальности, которые накатывают иногда на людей, особенно на женщин. Отец сто лет меня не видел, почему я вдруг решила, что он обрадуется мне?!

– Ладно, я пойду, – сказала я и встала с кресла.

– Нет уж, погоди… доченька. – Он почти силой заставил меня сесть обратно. – Столько лет прошло… Свиделись наконец-то!

«Да, здорово он на маму обиделся, – мелькнуло у меня в голове. – Но не убьет же он меня! Я вроде как ни в чем перед ним не виновата… А вдруг он просто сумасшедший?» Мне стало совсем страшно.

– Мне ничего от вас не надо, – твердо произнесла я. – Я просто хотела вас увидеть. Хотя бы один раз. Это нормально…

– Ну да, очень нормально. А что, дорогая доченька… – вдруг ехидно прищурился он. – Мама тебе ничего не рассказывала обо мне?

– Ничего. Она не хотела…

– Как это похоже на нее! – воскликнул Аркадий Елисеевич словно про себя. – Как похоже… Я мог бы сразу догадаться, что она оставила тебя, Лизонька, в полном неведении!

И он швырнул в меня журнальный столик. «Сумасшедший!»

Я бросилась в первую попавшуюся дверь – это оказалась ванная – и задвинула щеколду. В ванной было темно и пахло каким-то мерзким одеколоном.

– Открой! Слышишь – открой! – забарабанил он в дверь что было сил.

Он долго барабанил в дверь и орал что-то неразборчивое. Можно было не надеяться, что соседи этот шум услышат, по той же причине – очень толстые стены. Я, конечно, и не думала открывать.

Я сидела на холодном полу и плакала… Зачем я пришла сюда?!

– Слышь, ты, Лизавета… – вдруг произнес он за дверью. – Выходи. Я больше не буду. Это на меня так, нашло.

– Ничего себе нашло! – закричала я, зарыдав в голос. – Ты же мне отец родной… Чуть не убил меня!

За дверью опять воцарилась тишина, а потом он сказал:

– Я не твой отец.

– Что?

– То, что слышала. Я не твой отец.

– А кто вы?

– Разгадай загадку – я муж твоей матери, но я не твой отец…

– Отчим? – опешила я.

– Нет, и не отчим даже… Я тебе совсем никто.

Человек за дверью, похоже, окончательно образумился и теперь говорил усталым, скучным голосом. Интересно, обманывает или нет?

– А вы не ошибаетесь? – осторожно произнесла я.

– Нет.

– Но почему? Многие мужчины думают, что они не являются отцами, но на самом деле очень даже являются. Только полноценная генетическая экспертиза может подтвердить…

– К лешему экспертизу… – буркнул он. – Мы расстались с твоей матерью за два года до твоего рождения. Ну не могла же она два года ходить беременной!

– А почему же у меня отчество и фамилия ваши?

– Потому что официально развелись мы позже. Она записала тебя на меня…

– А почему вы ей это позволили?

– Я сначала ничего и не знал. Потом подумал – ну и ладно, алименты же с меня не требуют. Если б она с меня деньги требовала, я бы тогда, конечно, такое затеял…

– Мама не говорила мне об этом…

– А то ты не знала свою мамашу!

Сказанное было чистой правдой – я ее совершенно не знала. И вообще, похоже, этот Аркадий Елисеевич не врал – только моя мама могла довести человека так, что даже спустя тридцать лет он мог взбеситься от одного ее имени.

– Я выйду? – после некоторой паузы, осторожно спросила я.

– Выходи. Не век же тебе там сидеть!.. – крикнул он откуда-то издалека.

Я отодвинула щеколду и вышла. Аркадий Елисеевич Синицын уже сидел за кухонным столом и с интересом рассматривал початую бутылку водки.

– Вот, нашел, – буркнул он, не глядя на меня. – Ты не бойся, садись. Поговорим…

– Может, будет лучше…

– Да ничего не будет! – с досадой воскликнул он. – Ты, если подумать, тоже жертва. У меня к тебе никаких претензий…

– Чья жертва? – спросила я, недоверчиво усаживаясь на краешек табуретки.

– Ее, – произнес он с особым выражением, разливая водку по стопкам.

– Вы, я так понимаю, о моей маме говорите, – сказала я, невольно принюхиваясь к водке – пахло отвратительно. – Только напрасно вы так… Она была очень хорошей, и я очень ее любила.

– А куда тебе было деваться? – усмехнулся Аркадий Елисеевич. – Ладно, помянем. Я и не знал, что ее уже нет. Да не нюхай ты стакан, ради бога!

– Я не люблю водку, – честно призналась я, но все-таки отпила из стакана.

– А что ты любишь?

– Мартини, «Токайское»…

– Мартини! «Токайское»! – с гримасой отвращения передразнил он. – Никакого патриотизма. Впрочем, чего можно ожидать от человека, которого воспитала она.

Стол, за которым мы сидели, был не очень чистым, и я сразу же прилипла к нему локтями. Стараясь не заострять на этом внимание, я осторожно отклеилась и больше уж не клала руки на его поверхность.

– Мы познакомились с ней лет тридцать назад. Ей было восемнадцать, и она была очень хорошенькая. Глянул тогда на нее – ангел, как есть ангел. Я был у нее первым. Сразу предложил расписаться…

Мне очень хотелось сбежать из этого дома, но я не могла – сидела не шевелясь, точно сиденье у табурета тоже было намазано какой-то липкой дрянью, и слушала человека, который был мне совсем чужим. Он рассказывал о моей матери то, о чем я даже не подозревала. Он сказал правду – я действительно ее не знала.

– Она согласилась. Расписались мы очень быстро – у меня знакомая была в ЗАГСе, материна подруга. Думал – ну вот, я в раю – такая девушка, такая девушка…

– Что же произошло? – с мрачным нетерпением спросила я.

– С этого момента начался ад, – вдруг произнес Аркадий Елисеевич, уставившись на какую-то точку на стене. – Я не думал, что молодая, хорошенькая женщина способна на такие издевательства. Моральные, конечно, но лучше б она меня сковородкой по голове била или там скалкой… все человечнее было бы. Короче, в один прекрасный день, вернее вечер,

я не выдержал, напился, прибившись к какой-то компании, – «стекляшка» была напротив. Я вообще-то не пил, но тут так припекло… А компания та еще попалась! Короче, рядом со «стекляшкой» ларек стоял, и он оказался ограбленным. Меня посадили. На два года. А я даже не помню тот вечер – я, наверное, просто в кустах лежал рядом, в полной отключке, пока компания эта его грабила. Только она после суда сказала, что всегда от меня ожидала чего-нибудь такого. Типа я подлец и негодяй.

Я смотрела на этого человека и думала, что мама напрасно согласилась за него выйти. Они были не парой. Ее вина только в том, что она согласилась…

– Она мне даже письмишка не написала. А когда я вышел, у нее уже ты родилась. От кого, как – я без понятия, к тому моменту она была опять одна. А я все еще любил ее! И предложил ей – давай сойдемся. А она засмеялась нехорошо: «Наколки свои сведи – это очень неэстетично!»

Аркадий Елисеевич протянул мне свои руки. Они были в старых рубцах.

– Вот, кислотой сводил. Прихожу к ней через некоторое время. Ты уже бегала вовсю. Говорю – вот, все как ты хотела. А она снова засмеялась. Недобро так, издевательски. И заявила, что, типа, пошутила она тогда. «Ты, – говорит, – мне задаром не нужен. Я, – говорит, – еще с ума не сошла, чтобы с уголовником свою жизнь связывать. У меня дочь растет, ей хороший отчим нужен, а не такое быдло, как ты». Ну, насчет быдла я не уверен, может, она и не произносила этого слова, но смысл был точно такой. И как же мне обидно тогда стало, Лизавета! Я от нее вышел и – не вру, честное слово! – заплакал настоящими слезами.

Мне и самой было очень жаль этого человека, хотя возможно, что, если бы ту же историю мне когда-то рассказала мама, она рассказала бы ее по-другому. У каждого своя правда…

– Иду, а навстречу мне интеллигент какой-то прет. В очках, с тросточкой, и трубка в зубах. Толкнул меня и, не глядя, дальше пошел. Тут такая злость меня разобрала… Подумал – вот этакого-то она быдлом бы не назвала, хотя он и есть самая настоящая свинья! Я его разворачиваю и требую, чтобы он извинился – за то, что толкнул, значит. А он трубкой своей пыхнул и заявил: «Миль пардон». А что такое это «Миль пардон»? Нет, я понимаю, что он вроде как извинения попросил, но зачем же еще издеваться? И тогда я его ударил… В общем, нанесение тяжких телесных повреждений, вторая судимость, и загремел я на сей раз на пять лет. Мамаша моя без меня умерла…

– Мне очень жаль! – произнесла я совершенно искренне. – Но все это лишь ужасное стечение обстоятельств…

– Да брось ты! – отмахнулся он. – Это все она виновата. Хоть и не говорят о мертвых плохо, но она мне всю жизнь сломала. Кто я? Жалкий слесарь при ЖЭКе, живу от чекушки до пол-литры… А мог бы быть непьющим, с образованием, с семьей и детьми. Может быть, директором какой-нибудь фирмы. Эх, да что говорить…

– Дайте закурить, – попросила я. Он подвинул мне пачку «Беломора».

На душе было тяжело и муторно, словно меня заставили наблюдать за смертной казнью. «Права была Аглая, тысячу раз права… Не надо было мне сюда приходить!»

И я ушла.

Через полчаса после того, как я вернулась домой, появился Саша. С неизменной розой в руках.

– Душа моя, весь день я ждал момента, когда увижу тебя… Боже мой, что это за запах? Такое впечатление, будто ты пила водку и курила «Беломор»!

– Так оно и было, – вздохнула я. – Пила и курила, да еще в компании слесаря из ЖЭКа.

Саша молчал минуту, а потом вдруг улыбнулся так светло, что и у меня на душе стало светлее, и сказал легкомысленным голосом:

– А что, всякое бывает в жизни!

Он был так мил и так далек от всей той грязи, которая, к сожалению, присутствует в нашей жизни, что я не стала рассказывать ему о сегодняшнем происшествии. Наврала какую-то ерунду – благо фантазией меня бог не обделил.

На следующее утро, когда история с Аркадием Елисеевичем уже не казалась мне столь трагической, Саша сказал:

– Вот что… Когда ты придешь к нам в клуб? Я уже всем про тебя рассказал… Тебе будет заказан отдельный столик. И ты ведь еще ни разу не слышала, как я пою. Конечно, если тебе интереснее пить водку со слесарями…

– Хорошо, приду, – неуверенно ответила я. – Так ты говоришь, «Дель Арт»? Может быть, немного расскажешь о том, что меня там ожидает?

– Ни за что на свете! Вот придешь и сама увидишь.

Наверное, моя теперешняя боязнь ресторанов шла из прошлого. Был в моей жизни период, когда меня довольно часто водили в подобные заведения. Правда, каждый такой поход превращался в пытку. «Послушай, в этот кабак нельзя надевать вечернее платье – туда хватит и джинсов… Лис, ты сошла с ума – сейчас же сними этот балахон и надень платье для коктейлей – мы идем в очень стильное заведение, я буду в смокинге… Вот тебе деньги – сбегай в салон и попроси быстренько сделать себе прическу. Что-нибудь строгое, классическое… Лис, сейчас же сними эти серьги – это совсем не твой стиль… Лис, мы приглашены на новогодний маскарад – немедленно по магазинам, надо найти костюм и маску. Знаешь, я видел на карнавале в Венеции… Говоришь, тебе трудно дышать? Но, милая Лис, не капризничай – тебе так идет этот корсет! Талия – сорок сантиметров, какой восторг! Ну ладно, можешь немного ослабить шнуровку… Ты – моя Коломбина, Лис!»

А я и забыла, что в прошлой жизни я называлась претенциозным именем Лис, производным от Елизаветы, и меня заставляли вести скучную светскую жизнь. Тот, прошлый, определял беготню по презентациям, коктейлям, приемам именно «светской жизнью», хотя по мне это были обычные тусовки, где всякий хотел выпендриться.

Лис давно умерла. Лис с ее рыжими кудрями, оранжевой помадой и черными ресницами… Родилась Лиза с короткой стрижкой и почти не тронутым косметикой лицом.

– Послушай, мне, наверное, как-нибудь особенно одеться, да? – промямлила я. – Ну, и потом, я не знаю, успею ли я забежать в парикмахерскую…

Саша посмотрел на меня с удивлением:

– Нет, ничего не надо. Приходи, как тебе удобно… Сегодня, да?

– Хорошо, сегодня.

Но после института я все равно забежала домой. Не знаю почему, но меня вдруг взволновал вопрос, понравлюсь ли я Сашиным друзьям. Неужели покойная Лис решила вернуться?

– Что-нибудь скромненькое и со вкусом… – пробормотала я, рывком открывая платяной шкаф. Нет, длинное вечернее платье не годится – хотя бы потому, что отправлюсь я в Сашин клуб на своих двоих. Можно, конечно, поймать такси, но в час пик есть вероятность надолго застрять в пробках – в том районе, в центре, они не редкость, это я хорошо знала. Так что придется воспользоваться метро, родным московским метро, которое всегда выручало… – Тогда, может быть, вот это?

Брючный костюм темно-синего цвета с тонким белым кантом по горловине и рукавам. Довольно широкий, он все же не казался мешковатым, а кроме того, мне нравился состав ткани: шелк и вискоза – сочетание, приятное для кожи. Я оделась в костюм, и его скользящая прохлада сразу меня успокоила.

Тонкая нитка искусственного жемчуга, две жемчужные сережки в ушах – надо же было себя как-то украсить. А с прической я решила особо не мудрствовать – вылила на голову

пузырек геля и взлохматила волосы. Получилось неожиданно хорошо – этакий небрежный беспорядок, как будто я вымыла голову и забыла причесаться…

Плащ, зонтик под мышку, словно огромный градусник… На улице было уже совсем темно, когда я выбежала из дома. Я ловила свое отражение в сверкающих витринах – хорошенькая девушка, которая спешит на свидание. Сто лет я не была на свиданиях…

В переулках Солянки я сначала немного запуталась, а потом как-то сразу наткнулась на вывеску – «Дель Арт». Клоун в белом балахоне, больше похожий на Каспера-привидение, подмигнул мне неоновым глазом. Коломбина бежит на свидание к Пьеро…

Швейцар распахнул передо мной стеклянную дверь, и я оказалась в мраморном вестибюле.

– Добрый вечер! – вышел навстречу гардеробщик, пожилой мужчина в фуражке. – Вам заказано?

– Кажется…

– А то у нас сегодня полный аншлаг, все столики заняты… – вежливо произнес он, принимая у меня плащ и зонтик.

– Я к Александру Фадеевичу.

– К кому? – поднял брови гардеробщик.

– Он поет у вас, – растерянно произнесла я. Может быть, я не туда попала и на этом московском холме есть еще один клуб «Дель Арт»?

– Господи, так вы к Саше! – страшно обрадовался гардеробщик. – Ну как же, как же… Вы к нашему Саше!

Он заглянул в соседнюю дверь и позвал кого-то. К нам вышел представительный мужчина в шикарном костюме, судя по всему – метрдотель.

– Елизавета… ох, к сожалению, Саша забыл сказать мне ваше отчество… – с исключительной любезностью заговорил он.

– Можно без отчества.

– Да, столь юному существу совсем не нужно отчества! Меня зовут Альберт, и это отнюдь не псевдоним…

Важный метрдотель понес какую-то, говоря языком моих студентов, пургу, расшаркиваясь и улыбаясь, а сам буравил меня любопытным взглядом. «Юное существо» терпеливо его слушало.

– А теперь позвольте вас препроводить… Саша скоро будет.

Альберт повел меня по полутемным запутанным коридорам. Мягкий ковер стелился под ногами, гася все звуки. Мы прошли мимо бильярдной, потом мимо еще какого-то помещения, где развлекалась шумная компания, и наконец оказались в большом зале. С одной стороны возле стены располагалась роскошная барная стойка, с другой – пустая сцена, где лучом прожектора был освещен круглый черный рояль. Между ними стояли столики – и действительно не было свободных, кроме одного – как раз возле сцены. Из динамиков доносилась ленивая мелодия танго, в зале негромко шелестели голоса, кто-то заразительно смеялся…

– Здесь вам, Лиза, будет лучше всего видно и слышно. Меню? Или я принесу вам то, что заказал для вас Саша, сообразуясь с вашими вкусами…

Я посмотрела на толстенный талмуд в кожаном переплете и скромно сказала:

– Пожалуй, доверюсь Саше.

Альберт испарился, а через пару минут появился официант, улыбаясь нестерпимо белозубой улыбкой, – он принес ведерко с шампанским. Именно с шампанским, а не шипучим вином – увидев бутылку, я улыбнулась. Моего героя никак нельзя назвать жадиной. Помнится, в прошлой жизни я пила такое же.

В зале было полутемно – лишь горели свечи на столах, да тускло светили скрытые светильники под потолком. Я немного освоилась и нашла, что клуб «Дель Арт» – довольно милое заведение. Светло-желтые стены, темные гардины, репродукции Бакста, Сомова, Лансере…

Посреди зала тихо журчал небольшой фонтан с золотыми рыбками, и шелест воды общим умиротворяющим фоном наслаивался на гудение зала.

Официант, продолжая нестерпимо улыбаться, принес мне блюдо с разнообразными фруктами и пирожными. Но мне пока есть не хотелось – я едва прикоснулась к одной из песочных корзиночек, в которой дрожало нежнейшее апельсиновое желе. Я маленькими глотками пила шампанское и ждала Сашу. Чем дольше его не было, тем сильнее я начинала волноваться. С самого начала я поняла, зачем меня посадили так близко к сцене. Он должен появиться возле рояля в луче света.

Я осматривалась, стараясь не слишком вызывающе вертеться на стуле, и вскоре пришла к выводу, что за мной наблюдают. Нет, не публика – все сидели за своими столиками и были заняты исключительно собой, а вот бармен за стойкой, протиравший полотенцем стаканы, смотрел прямо в мою сторону. За его спиной постоянно колыхались темные гардины, и из-за них то и дело высовывались чьи-то любопытные лица. Потом выглянул кто-то в белом колпаке, с половником наперевес – из коридорчика, ведущего на кухню, в котором то и дело скрывались официанты, возвращаясь оттуда с нагруженными всяческой снедью подносами. Да и сами официанты при всей их явной вышколенности как-то подозрительно косили глазами в мою сторону, словно все поголовно страдали врожденным косоглазием.

«Ну, ясно! – мысленно ахнула я. – Саша всем разболтал про меня, и сейчас все, кто здесь работает, пялятся на меня, словно на слона в зоопарке!»

«С кем ты связалась, Лис? – чуть ли не наяву услышала я надменно-вкрадчивый голос. Голос, струящийся из прошлого. – Фи, какой мезальянс – девушка с высшим образованием, которая преподает в институте и пишет серьезную научную работу о литературе Серебряного века, и какой-то ресторанный певец…»

Тут голос внезапно поперхнулся – на сцену из темноты вышел Саша. В черном фраке, белоснежной рубашке, с галстуком-бабочкой. Безупречная прическа – волосок к волоску. Он послал мне воздушный поцелуй и как ни в чем не бывало сел за рояль. Музыка в динамиках стала затихать, и раздались первые негромкие аккорды. Переход от одной мелодии к другой был столь плавным и незаметным, что из всех сидящих за столиками появление Саши на сцене заметила только я.

Луч прожектора светил прямо на него – лицо бледное, под глазами тени – от того, что свет лился сверху.

– «В бананово-лимонном Сингапуре…» – негромко запел Саша таким прозрачным, ленивым, печальным голосом, что у меня мурашки побежали по коже. «Ах, ну да, Вертинский! – мелькнуло в голове. – Как же я сразу не догадалась, что в клубе под названием «Дель Арт» должны исполнять именно такие песни!»

Он пел чудесно. Профессионально. Пальцы Саши легко порхали по клавишам, в свете прожектора вспыхивали иногда серебристым огнем его запонки…

– «…Где вы теперь, кто вам целует пальцы, куда ушел ваш китайчонок Ли?.. Вы, кажется, потом любили португальца, а может быть, с малайцем вы ушли!..» – пел Саша. И тут вдруг, склонившись в мою сторону, он подмигнул мне.

Он пел, почти не делая перерыва. А я удивлялась тому, что он делает в этом клубе. С таким голосом, с таким тонким артистизмом он вполне мог бы выступать на сцене какой-нибудь филармонии. И публика в вечерних платьях и смокингах приходила бы только для того, чтобы послушать его, забыв про еду и питие…

Похолодев, с застывшими в глазах слезами, я слушала его. Песни Вертинского, которые долгие годы при советской власти считались вульгарными и напыщенными, были в исполнении Саши своего рода скрытой от посторонних глаз игрой – и печаль, и восторг, все в них казалось немного ненастоящим и театральным, и в то же время… О настоящей любви и нельзя говорить серьезно, прямолинейность губит чувства.

Я совершенно не замечала окружающей обстановки, забыла обо всем и слушала Сашу, держа в руках бокал с недопитым шампанским.

Передо мной опять выплыл Альберт.

– Вижу по вашему лицу, Лизочка, что вам здесь очень нравится, – прошептал он.

– Чудесно, чудесно, я не ожидала, что Саша так поет…

– Вы вполне можете заказать ему какую-нибудь песню. Разумеется, только из классического репертуара – других он принципиально не исполняет… Романсы, например.

– Романсы? О, я бы очень хотела… У меня есть любимый романс – про колокольчик, где снег серебрится… Вы знаете?

Альберт зажмурился и затряс головой.

– Знаю ли я? О, Лизочка, это его коронный номер! Вы самым удивительным образом угадали нашу любимую песню…

Несмотря на грузную комплекцию, Альберт шустро засеменил к сцене и что-то быстро шепнул Саше.

Тот кивнул головой и достал из-за рояля гитару.

Я оглянулась и заметила, что публика с интересом смотрит на сцену. Даже более того – какая-то пожилая дама держала наготове охапку цветов – это могло означать только то, что здесь собираются настоящие поклонники Сашиного таланта.

Он чуть тронул струны – в воздухе затрепетали завораживающие, негромкие звуки. Потом медленно, словно нехотя, Саша запел:

– «В лунном сиянье снег серебрится… Вдоль по дороге троечка мчится…»

Каждое слово он отделял паузой, потом его голос окреп, заполнил все пространство.

– «Динь-динь-динь, динь-динь-динь… – как будто у него у самого в горле были эти серебряные колокольчики, – …колокольчик звенит! Этот звон, этот звук много мне говорит. В лунном сиянии ранней весною – помнишь ли встречи, друг мой, с тобою?..»

У него был совершенно необыкновенный голос – не пронзительный, без чрезмерного форсирования, как нынче модно, и в то же время не слащавый, не приторный. Как человек, привыкший свободно манипулировать словами, я бы определила его так – голос, которым должен обладать мужчина, объясняющийся в любви. Наверное, большинство женщин, воображая идеального принца перед собой на коленях, слышали именно такой голос…

– «…колокольчиком твой голос юный звенел, динь-динь-динь, динь-динь-динь – о любви сладко пел…»

Когда он допел романс до конца и перестала звенеть последняя струна, зал мгновенно разразился аплодисментами. Та пожилая дама, прижимая к груди свои цветы, побежала к сцене.

Я тоже хлопала. И смеялась, сама не замечая того, что по лицу у меня текут слезы…

Раскланявшись, Саша ушел за кулисы, а сцена закрутилась вокруг своей оси, отчего рояль оказался на заднем плане. Под луч прожектора выскочили два клоуна в пестрых трико и принялись откалывать всякие штуки. Их номер выглядел довольно уморительно, но после Сашиного пения мои глаза на них не хотели смотреть.

Он вдруг появился со стороны зала, уже в обычном костюме, страшно взволнованный и улыбающийся.

– Ну, что? – нетерпеливо спросил он. – Тебе понравилось?

– Ах, Саша – более чем!

– А это что? – с удивлением произнес он и провел ладонью у меня по щеке. – Слезы?!

– Ты замечательно поешь. И вообще…

Саша выглядел очень довольным. Сел напротив, покачал головой.

– Но ты не ешь совсем! – с осуждением произнес он. – Ай-ай-ай, что скажет Мишель… Мишель – это наш повар, из самого города Парижа… Я заказал ему для тебя самые лучшие блюда, он так старался…

– Я сейчас все съем. – Я торопливо придвинула к себе блюдо. – Нет, правда, пока ты был на сцене, мне просто кусок в горло не лез, а вот теперь я чувствую себя голодной.

Саша принялся мне объяснять, что именно я пробую, но мне было все равно – я все еще была под впечатлением его голоса.

– А это кто? – кивнула я на сцену.

– Это Бим и Бом. Кстати, они муж и жена. Коля и Оля Арутюновы.

– Вот бы не подумала, что один из клоунов женщина…

– А ты присмотрись…

– Да, вон тот, в рыжем парике, – какой-то особенно пластичный, гибкий… Это Оля?

Саша засмеялся, ничего не ответил.

– Саша! Ты настоящий талант, ты артист… ты достоин большего!

– В каком смысле?

– Я имела в виду, что клуб этот, конечно, замечательный, и сразу видно, все тебя тут любят, и даже поклонники тут у тебя есть, но… Тебе надо на большую сцену. Большой зал, сопровождение оркестра, гастроли…

Саша пожал плечами:

– Не знаю, чем зал какой-нибудь лучше моего клуба. И вообще, я с детства ненавижу те помпезные заведения, которые ты так превозносишь, – все сидят в креслах и старательно слушают. Некоторые даже засыпают от чрезмерной старательности… Я не люблю, когда тужатся. Все должно быть легко и просто, и даже немного несерьезно.

– Как здесь?

– Да, как здесь. Проголодался – поел. А надоело слушать – так ушел, не боясь, что на тебя зашикают со всех сторон.

– Ты настоящий сфинкс… – с изумлением пробормотала я.

– Кто?

– Сфинкс. Загадочное существо.

– Надеюсь, это комплимент… И потом – каким бы я стал после всяких гастролей? Если бы у меня было то, что люди называют настоящей славой, я бы не нашел тебя. Ты бы не пробилась ко мне сквозь толпу поклонниц…

– Ну, спасибо… – буркнула я. – Я очень ревнивая – помни об этом…

– А уж я какой ревнивый!..

Со всеми яствами, которые были на столе, я так и не смогла справиться – пришлось Саше мне помочь. Мы вместе допили шампанское, а потом заглянули на кухню, чтобы поблагодарить Мишеля. И Мишель, егозливый француз с бородкой клинышком и блестящими глазами, долго тряс мне руку и лопотал что-то на смеси русского и французского. Я, в свою очередь, сообщила ему, что испытала ни с чем не сравнимое удовольствие, когда пробовала пирожные, сотворенные его руками…

Затем мы с Сашей отправились в крошечную гримерку к Биму и Бому, которые к тому моменту закончили свое выступление, и выпили с ними по рюмочке армянского коньяка. Оля без грима оказалась атлетически сложенной блондинкой скандинавского типа, а Коля – нежным черноволосым юношей с печальной улыбкой. Кажется, когда они были в клоунских костюмах, я все-таки ошиблась, пытаясь определить, кто из клоунов Оля.

Потом все, и даже Саша, куда-то убежали («айн момент, уно моменто!»), и я осталась на какое-то время одна. Заглянул Альберт.

– Саша велел посидеть с вами немного, чтобы вы не соскучились, Лиза…

– Конечно, посидите со мной, – обрадовалась я. – А то как-то…

– Что, правда скучно?

– Нет, как-то непривычно. Я не ожидала…

– Вам не понравился наш клуб? – Альберт явно напрашивался на комплимент.

– О, что вы! Здесь очень уютно, и кухня превосходная… Я просто не могу прийти в себя после Сашиного выступления. Мне кажется, он настоящий талант!

– Безусловно! – энергично закивал Альберт своей массивной башкой, чем вдруг очень мне напомнил дрессированного медведя в цирке. – Вот, вы смеетесь, Лиза, – значит, вам действительно у нас понравилось… Сколько вы знакомы с Сашей?

– С конца августа.

– М-да, совсем недавно…

Я вдруг насторожилась.

– Почему вы спрашиваете об этом, Альберт?

– Потому что… Черт, не привык я ходить вокруг да около… Вот что, Лиза, мы очень любим Сашу…

– Я тоже его люблю.

– Это понятно… Только у меня к вам просьба – не обижайте его. Он хороший парень. Лучше, пожалуй, во всей Москве не найдешь.

– А с чего вы взяли, что я собираюсь обидеть его? – нахмурилась я. – Посмотрите внимательно, Альберт, разве меня, при моем росте метр пятьдесят семь, можно опасаться?

– Да нет, я не о том… – неожиданно покраснел мой собеседник. – Я о других обидах. Он, наш Саша… Ну, он из тех, кто никогда не предаст. И вы уж, пожалуйста…

Я хотела разозлиться на него – черт возьми, никто не имеет права лезть в мою личную жизнь! – но у меня опять не получилось.

– Ладно, не продолжайте, – сказала я. – Я Сашу на самом деле очень люблю. Видите, даже не стесняюсь говорить об этом.

– Вот и славно… – запыхтел он, пожимая мне руку своими лапищами. – Господи, а ручки-то и вправду у вас такие маленькие, словно у ребенка… Я вижу, Лиза, вы хорошая. Я это серьезно говорю, потому что давно научился в людях разбираться. Я, пожалуй, тут лишнего наболтал… Но вы простите меня, потому что Сашу мы все считаем классным парнем и не хотим, чтобы его невеста…

– Кто? – вытаращила я глаза. Неужели Саша представил меня как свою невесту?

– Ах, я, кажется, точно сболтнул лишнего… – почесал Альберт затылок. – Ну, в общем, вы уж сделайте вид, что ничего такого не слышали, а то мне от Сашки достанется.

И в этот момент в дверях появился герой моего романа.

– А вот и я! – воскликнул он, держа в руках большой пакет. – Что, Лиза, развлекал тебя Альберт светской беседой?

– Да уж… – неопределенно произнесла я.

– Ладно, идем, пока начальство доброе и отпускает меня.

…Когда мы оказались на улице, я не выдержала и засмеялась.

– Ты о чем? Расскажи – я тоже хочу повеселиться… – сказал он.

– Не могу, Альберт просил меня не разглашать тайны! – ответила я. – А что у тебя в пакете?

– Образцы кулинарного творчества Мишеля. Он чуть ли не силой вручил мне все это. Кажется, ты его перехвалила. А что за тайны у вас с Альбертом? Ты не забывай – я ревнивый…

Несколько дней после посещения клуба «Дель Арт» я была словно не в себе. Две вещи не шли у меня из головы – его голос и то, что он представил меня как свою невесту.

Ну, с голосом все было более-менее понятно – Саша талант, нечего и говорить, а вот с невестой…

Когда-то, очень давно, я уже была невестой. Целых пять лет я жила с человеком, от которого каждый день ждала слов – «пожалуйста, Лис, будь моей навсегда!». Но он их не сказал, хотя в какой-то момент все было близко к тому. А потом это стало невозможным: появилось отчуждение – сначала незаметное, как трещина в асфальте, а потом оно стало расти. «В тебе нет огня, – в очередной раз с досадой произнес он. – Ты холодная, как рыба». – «Я люблю тебя». – «Ты не любишь, Лис, ты терпишь. Тебе все равно, кто рядом с тобой – пусть хоть сам сатана!..»

И мы расстались, потому что трещина разрослась до размеров пропасти.

Нам нравилось кататься по городу.

В начале октября было холодно, под утро даже вода замерзала в лужах, а потом вдруг вновь стало тепло, как будто бабье лето решило вернуться на бис.

В один из таких вечеров мы с Сашей отправились на Воробьевы горы. Это была моя идея – посмотреть на панораму города, но он с радостью принял ее и сказал, что сам хотел чего-то подобного.

– Знаешь, иногда во мне бродят какие-то мысли, еще не вполне оформленные, а ты вдруг раз – и произносишь их вслух, – сказал он, подруливая к открытой площадке.

– Ты хочешь сказать, что я читаю твои мысли?

– Да! – решительно воскликнул Саша. – А я иногда догадываюсь, о чем думаешь ты.

– Ну, например? – засмеялась я, вылезая из машины.

– Вот, пожалуйста – неделю назад ты ходила скучная, и я потащил тебя к Арутюновым. Помнишь, что ты мне потом сказала?

– О да, я сказала тебе, что мне, наверное, в тот день действительно не хватало цирка!

– Тебе понравилось у них?

– Господи, я до сих пор забыть не могу! Теперь мне кажется, что я выбрала не ту профессию и мне надо было стать акробаткой или в крайнем случае заняться жонглированием…

В самом деле тот вечер, проведенный у Сашиных друзей, до сих пор казался мне каким-то особенно веселым, словно я на миг вернулась в детство.

Коля и Оля угощали нас сладостями, которые им прислали родственники откуда-то с Востока – в жизни не пробовала такого нежнейшего лукума и столь приятной халвы, – а потом принялись показывать всякие трюки. Оказывается, они довольно долго работали в цирке.

– Почему же вы ушли? – спросила тогда я их с удивлением. – Наверное, там было очень весело…

– Да уж… – засмеялся Коля чуть смущенно. У него была такая манера – он все делал и говорил с оттенком смущения. – А ты знаешь, что за жизнь у цирковых?

– Нет… А что?

– Вечные гастроли и разъезды, – вздохнула Оля, – ни кола ни двора. Мы все время сидели на чемоданах. И, потом, условия в гостиницах были не самые лучшие. Надоели вечные скитания…

– Мы хотим ребенка, – застенчиво признался Коля. – А тогда это было совершенно невозможно…

Он был гибким, точно в его теле совсем не было костей. Расположившись на ковре, он, как настоящий йог, изгибался в самых невероятных позах, вызывая у нас с Сашей возгласы изумления и страха. Потом поставил на пол две бутылки из-под шампанского, на них

передними ножками – стул, а сам, упершись в стул, сделал стойку вверх ногами. Мне такое равновесие казалось фантастикой, а Коля сказал, что это ерунда, и даже у меня так могло получиться.

– У тебя вполне подходящая для циркачки комплекция, – краснея, сказал он. – Попробуй хотя бы встать на руки.

Я была в брюках и потому решилась попробовать. Как ни странно, но с помощью Коли и Оли у меня это получилось. Потом они показали мне, как надо правильно принимать позу лотоса.

– Лиза, у тебя талант! – воскликнул тогда Саша, впрочем, не без страха наблюдая за мной. – Нет, ребята, давайте займемся чем-нибудь другим, где не требуется выворачиваться наизнанку…

Оля учила меня жонглировать. В конце концов и это у меня получилось. Словом, вечер прошел замечательно, а закончили его мы тем, что стали вчетвером жонглировать апельсинами.

Хотя час был довольно поздний, на площадке Воробьевых гор было довольно много гуляющих, а чуть в сторонке сбивались в стайку байкеры на своих мотоциклах. Они были серьезные, в кожаных куртках с бахромой и заклепками, мотоциклы под ними – яркие, просто загляденье.

– Сезон закрывают, – сказал Саша, заметив мой любопытный взгляд.

– Какой сезон?

– Байкеры зимой не катаются. Это последние дни.

– Как печально – листья опадают, байкеры слезают со своих мотоциклов…

Мы подошли к мраморному бортику, за которым открывался вид на Москву.

– Здорово, да? Столько огней!

Изгиб реки, светившиеся голубоватой подсветкой мосты, которые казались издалека хрустальными, сталинские высотки, храмы и стадионы… И дома – тысячи домов… Роскошная столичная ночь.

– Как легко потеряться… – пробормотала я.

– О чем ты?

– Только здесь видно, какой город огромный и как легко в нем потеряться. Что человек? Песчинка среди этих огней. Муравей на фоне пирамид.

– Это правда. Я боюсь тебя потерять.

– Не бойся.

– Нет, я, собственно…

Я взлохматила ему волосы.

– У тебя такая идеальная прическа, что иногда хочется ее разрушить, – сказала я.

– Хорошо, что сейчас ночь и меня никто не видит, – засмеялся он, встряхнув головой. – Ну вот, а я столько времени потратил на то, чтобы выглядеть элегантно рядом с тобой.

– Вот эта прядь… Не знаю почему, но когда она падает тебе на лоб, ты мне кажешься беззащитным и смешным.

– Я некрасивый? – вдруг спросил он. – Понимаю, это не должно волновать мужчину, но… Просто я очень хочу тебе нравиться.

– Ты… – Я задумалась на мгновение. – В общем, ты действительно симпатичный молодой человек, только вот уши…

– Что уши? – Саша встревоженно прижал ладони к ушам.

– Они немного торчат. Нет, тебя никак нельзя назвать лопоухим, но они определенно торчат, особенно если присмотреться… – Я придирчиво разглядывала его.

– Неужели придется делать пластическую операцию? – упавшим голосом сказал он. – Впрочем, если ты будешь настаивать…

– Да, без операции не обойтись, – строго произнесла я.

Он не выдержал, рассмеялся, и вслед за ним засмеялась и я.

– Лиза…

– Что?..

– Ты будешь моей женой?

Я ожидала чего-то подобного, но все равно вздрогнула, и сердце у меня забилось быстро и суматошно, точно в приступе стенокардии.

– Нет, я тебя не тороплю, и если тебе надо время, чтобы обдумать… – не дождавшись от меня ответа, забормотал Саша, машинально отбрасывая ладонью непокорную прядь назад, точно она ему мешала.

– Не надо, – перебила я его, справившись со своими чувствами. – Я без тебя не могу. Нет, не так – могу, но только с тобой. Могу жить, работать, смеяться, плакать – только с тобой…

– Значит, ты согласна?

– Да, – ответила я. – Да. Да!

Он прижал меня к себе.

– Какое счастье, что я нашел тебя…

– Нет, это я нашла тебя! Помнишь, как мы встретились? Эх, ты, потомок писателя Калугина…

– Мне тогда показалось, что ты мне снишься, – сказал Саша и засмеялся.

– Нет, это я думала, что сплю… Иначе бы ни за что не позволила себе оказаться у тебя на коленях…

– Господи, только не вздумай жалеть! Это самое лучшее воспоминание в моей жизни.

– Нет, я не жалею… я думаю, все уже было заранее предопределено.

– …Уже подали заявление? – ахнула Аглая. – И когда?

– В конце января.

Она на мгновение задумалась.

– Это хорошо, что в конце января – как раз к тому времени сессия у наших студентов закончится, и ты будешь свободна.

– Честно говоря, о свободе я не думала – мне же надо заканчивать мою работу. Ангелы в русской литературе Серебряного века…

– Да забудь ты хоть на время про своих ангелов! Такое событие намечается, а ты все о работе… – Аглая была очень взволнована. – А твой бывший, он не в курсе?

– Вспомнила! – пожала я плечами. – Я его сто лет не видела. Он, наверное, давным-давно женился. И вообще… не хочу о нем говорить.

– И правильно! – энергично поддержала меня Аглая. – Он мне никогда не нравился. Пять лет девушке голову морочил!

Я засмеялась, но не стала напоминать ей о том, что раньше она была иного мнения о моем бывшем кавалере.

– А платье будет? – спросила она с любопытством.

– Ты спрашиваешь о том, будет ли у меня свадебное платье? Да, конечно… Хм, далось всем это свадебное платье! Я, кстати, собираюсь его сама сшить.

– А ты сумеешь?

– Сумею. Понимаешь, я не хочу никаких покупных кринолинов. Придумаю что-нибудь такое, чего никогда и ни у кого не было… – мечтательно произнесла я. – И надену я его только один раз – в день свадьбы. Потом оно будет висеть в шкафу, как музейный экспонат.

– Да… – завороженно произнесла Аглая, и очки у нее опять сползли на кончик носа. Удивительно, как женщины любят обсуждать подобные вещи – несмотря на возраст, обра-

зование, социальный статус, они прежде всего интересуются тем, какое будет на невесте платье и в курсе ли «бывший».

Я просила Аглаю пока не разглашать мою тайну, но она все-таки проболталась – через некоторое время весь институт знал о том, что я выхожу замуж. Коллеги-преподаватели проходили мимо со значительным видом и заводили туманные разговоры – дескать, в наше время женщине очень важно устроить личную жизнь.

Я знала, что Саша готовит мне какой-то подарок к свадьбе, и мне тоже очень хотелось подарить ему что-то. Но поскольку я была человеком, не располагающим особыми средствами, передо мной особенно остро стояла проблема выбора. И вдруг я вспомнила, что, кажется, в моем доме есть нечто, что вполне может послужить свадебным подарком жениху.

В бывшей маминой комнате все оставалось по-прежнему – так, как было при ее жизни. Я заходила туда редко, чтобы только смахнуть пыль и протереть зеркала.

Я зашла в комнату, села прямо на пол перед старинным секретером и стала один за другим выдвигать ящики. Мне было как-то не по себе. Я всегда считала, что мама была достойна лучшего и ее жизнь могла бы быть гораздо счастливее.

За окном свистел по-зимнему холодный ноябрьский ветер. Перед фонарями у дороги качались голые деревья, и поднятые ветви напоминали чьи-то заломленные вверх руки.

Журналы о рукоделии, выкройки, фотографии в альбомах, красивые флаконы из-под духов, аромат которых давно истаял в прошлом, сувениры из ракушек и еловых шишек… В общем, секретер был забит всякой ерундой.

Наконец, в самом нижнем ящике, я нашла то, что искала, – маленькую коробочку, обтянутую красным бархатом. Я открыла ее – мягко блеснуло золото и прозрачные камешки – топазы довольно редкого желтого цвета.

Это были мужские запонки. У них короткая и весьма характерная история. Мама купила их очередному кавалеру, представительному полковнику с пронзительным ястребиным взглядом. Кавалер был из тех мужчин, которые распахивают перед женщиной дверь и обязательно падают на колени, когда объясняются в любви. Во всяком случае, мою маму он покорил именно этим. Она купила запонки ко дню его рождения – поступок даже чересчур расточительный для одинокой женщины с ребенком, – но неожиданно выяснилось, что полковник был женат.

Повторилась старая история – мама мгновенно прервала с ним всякие отношения и даже, насколько я помню, перед тем грозилась рассказать все его жене. Полковник умолял этого не делать и даже упал на колени.

В общем, запонки остались у нас в доме.

Они станут неплохим подарком моему жениху…

На золотой поверхности запонок были выложены сердечки из маленьких топазов. Саша носит запонки. Он выйдет на сцену под луч прожектора, взмахнет руками над роялем, блеснут желтые камешки…

Я сложила запонки обратно в коробочку, и вдруг взгляд мой упал на мамину записную книжку в истертом кожаном переплете. Повинуясь безотчетному порыву, я взяла книжку в руки.

«Алиса» – было написано на первой странице. И ряд цифр. Алиса была маминой подругой. Как там у Блока? «Все это было, было, было, свершился дней круговорот. Какая ложь, какая сила тебя, прошедшее, вернет?..»

Телефон стоял в другой комнате – я побежала туда и дрожащими пальцами стала тыкать кнопки. А что, если Алиса тоже умерла? Ну а если не умерла, то ничего не помнит из прошлых своих бесед с мамой? Или вообще она до сих пор сердита на нее и даже не захочет со мной разговаривать…

– Алло? – после нескольких гудков отозвалась трубка тонким нежным голосом.

– Добрый вечер, мне Алису…

– Я – Алиса. А вы кто?

– Я дочь одной женщины, которую вы когда-то знали… – стараясь не путаться, я напомнила ей о прошлом.

– Ах, вы Лиза! – вдруг рассмеялась она негромко. – Ну как же, как же… Я тебя помню – ты была еще маленькой девочкой… Можно на «ты»?

Я сказала, что можно.

– Чего ты хочешь, Лиза? Я, кстати, в курсе, что мама умерла. Мне очень жаль… Я помню о ней только хорошее.

– Спасибо… – растроганно произнесла я. – Вы могли бы мне кое-чем очень помочь. Сразу предупреждаю – просьба у меня странная и несколько необычная, хотя… Словом, как посмотреть…

– Вот что… – решительно произнесла моя собеседница. – Приезжай ко мне, и поговорим. Я на пенсии, одна, и мне скучно. Приезжай… В конце концов ты мне почти как дочь – ведь когда-то мы очень дружили с твоей мамой, пока… Ну, это неважно. Так приедешь?

– Да.

Я приехала к ней через два дня, когда Саша снова вечером работал в своем клубе.

– Девочка моя! – воскликнула Алиса, стоя на пороге, и радостно меня расцеловала. – Как ты выросла! В последний раз я видела тебя, когда тебе было лет десять-двенадцать!

Я помнила подругу мамы именно такой – похожей на древнерусскую красавицу, иконописно утонченной. Широкая длинная юбка в стиле фольк, длинные прямые волосы, зачесанные назад, ряды красных бус вокруг тонкой шеи, длиннейший мундштук в тонких длинных пальцах… Но, конечно, Алиса постарела – в волосах запуталась седина, а тонкие пальцы предательски дрожали.

Она провела меня в просторную комнату, всю заставленную полочками с сувенирами, и приготовила чай на специальном низеньком столике – по китайскому методу, со множеством крошечных глиняных горшочков, переливая жидкость из одного в другой. А я пока рассказывала о себе – как живу, чем занимаюсь…

Узнав о том, что я преподаю русскую литературу начала двадцатого века, Алиса всплеснула руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.